

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

2020 Том 7 № 2

DOI 10.22363/2312-8313-2020-7-2

Научный журнал

Издается с 2014 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61271 от 03.04.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР СЕРИИ

В.Г. Иванов,

доктор политических наук,
доцент кафедры
сравнительной политологии
РУДН, член Международной
ассоциации политической
науки

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА**

Е.В. Масленникова,

кандидат социологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
государственного и
муниципального управления
РУДН

**ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
СЕРИИ**

В.А. Осипов,

кандидат политических наук,
ассистент кафедры государственного
и муниципального управления
РУДН, член Российской
ассоциации политической науки

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Барабашев А.Г. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой государственной службы, декан факультета государственного и муниципального управления НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Велиева Д.С. — доктор юридических наук, профессор, Поволжский институт управления РАНХиГС, Саратов, Россия

Вертинский И. — доктор философии, профессор, директор Центра международных исследований корпоративного и общественного управления, Университет Британской Колумбии, Ванкувер, Канада

Войташич К.А. — доктор политических наук, профессор и заведующий кафедрой права и европейских институтов факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Вольманн Х. — PhD, профессор публичного администрирования и общественной политики Берлинского университета имени Гумбольдта, Берлин, Германия

Ворончук И. — доктор экономических наук, профессор, глава Департамента публичного администрирования Факультета экономики и менеджмента Латвийского университета, Рига, Латвия

Кочегура А.П. — доктор философии (PhD), член Европейской Ассоциации специалистов в области государственного управления (EGPA), Москва, Россия

Марголин А.М. — доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, проректор РАНХиГС, Москва, Россия

Прокофьев С.Е. — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Ропрет М. — PhD, профессор кафедры государственного управления Университета Любляны, Любляна, Словения

Сорокин Д.Е. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, проректор по научной работе Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, первый заместитель директора Института экономики РАН, Москва, Россия

Стрелковский В. — PhD, профессор. Управляющий директор Пражского института повышения квалификации, Прага, Чехия. Почетный профессор Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия

Хоппе Р. — PhD, почетный профессор Школы менеджмента и государственного управления Университета Твенте, сотрудник Института науки о государственном управлении, сотрудник Нидерландского института управления, Энсхеде, Нидерланды

Шедлер К. — PhD, профессор, директор Института менеджмента и государственного управления, Университет Санкт-Галлена, Санкт-Галлен, Швейцария

Шульц Д. — PhD, профессор кафедры политических наук Университета Хэмли, Сент-Пол, США

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ**

ISSN 2312-8313 (Print), ISSN 2411-1228 (Online)

4 выпуска в год

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Dimensions, East View, EBSCOhost.

Цель и тематика

Научный журнал «Вестник Российского университета дружбы народов», серия «Государственное и муниципальное управление» – специализированное научное издание, учрежденное в конце 2013 года.

Цель издания: содействие развитию науки о государственном управлении и местном самоуправлении, ее популяризации в Российской Федерации, а также создание площадки для обсуждения междисциплинарной и практико-ориентированной проблематики государственного и муниципального управления.

На страницах журнала авторам статей, ученым и практикам, представляется возможность обсуждения основных идей и проблем государственного и муниципального управления, публикация результатов анализа актуальных вопросов государственного управления в России, теоретического осмысления тенденций и перспектив развития местного самоуправления, обобщения зарубежной практики и опыта публичного администрирования и менеджмента, освещения современных тенденций развития высшего профессионального образования в области государственного и муниципального управления и т.д.

Основными рубриками журнала являются: «Государственное управление: теория и практика», «Зарубежный опыт управления», «Становление и развитие местного самоуправления в России», «Культура управленческой деятельности», «Антология государственного управления» и другие.

Читательская аудитория журнала: ученые и исследователи, практики государственного и муниципального управления, а также широкий круг читателей, интересующийся проблемами государственного и муниципального управления в Российской Федерации и других странах мира.

В редакционную коллегию журнала входят ведущие ученые и эксперты международного и национального уровня в сфере государственного и муниципального управления.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству ученых, научных работников, аспирантов и практиков, работающих в сфере государственного и муниципального управления.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/public-administration>.

Электронный адрес: pubadmj@rudn.ru.

**Литературный редактор К.В. Зенкин
Компьютерная верстка: Ю.Н. Ефремова
Адрес редакции:**

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала «Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление»:
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.ru

Подписано в печать 30.04.2020. Выход в свет 20.05.2020. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 6,5. Тираж 500 экз. Заказ № 464. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2020

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION

2020 Volume 7 Issue 2

DOI 10.22363/2312-8313-2020-7-2

Scientific journal

Founded in 2014

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

EDITOR-IN-CHIEF

V.G. Ivanov,
Dr.Sci. (Political Sciences), Associate Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation), member of The International Political Science Association: Montreal, Quebec, CA – Chief Editor

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

E.V. Maslennikova,
PhD in Sociology, associate professor, Head of the Public Administration Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) – Deputy Editor

EXECUTIVE SECRETARY

V.A. Osipov,
PhD in Political Science, Assistant of the Department of Public Administration, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation). Member of The Russian Political Science Association – Executive Secretary

EDITORIAL BOARD

Barabashev A.G. — Dr.Sci. (Economics), Professor, Head of the Civil Service Department, Dean of the Public Administration Department, National Research University Higher School of Economics

Velieva D.S. — Doctor of Law, professor, Povolzhsky Institute of Management RANEPa, Saratov

Vertinsky I. — PhD, Professor, Director of Center for International Studies, Corporate and Public Administration, University of British Columbia, Vancouver, Canada

Wollmann H. — PhD, Professor of Public Administration and Public Policy of the Berlin Humboldt University, Germany

Wojtaszczyk K.A. — Doctor of Political Sciences, Professor and Head of the Department of European Law and Institutions, Faculty of Political Sciences and International Studies, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Voronchuk I. — Dr.Sci. (Economics), Professor, Head of Public Administration Department of Economics and Management Faculty, Latvian University, Latvia

Kotchegura A.P. — Dr.Sci. (Philosophy) (PhD), a member of the European Association of Professionals in Public Administration (EGPA)

Margolin A.M. — Dr.Sci. (Economics), Professor, Honored Economist of Russia, Pro-Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Prokofiev S.E. — Dr.Sci. (Economics), Professor, Head of State Public Administration Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Deputy Head of the Federal Treasury of the Russian Federation

Ropret M. — PhD, Professor of the Department of Public Administration, University of Ljubljana, Slovenia

Sorokin D.E. — Dr.Sci. (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Macroeconomics and Macroeconomic Regulation of the Financial University under the Government of the Russian Federation, First Deputy Director of the Institute of Economics

Strielkowski W. — PhD, Professor. Managing Director of Prague Institute for Qualification Enhancement. Professor, Assistant Director of Prague Business School Centre for Energy Studies. Prague. Czech. Emeritus professor of Ural State University of Economics.

Hoppe R. — PhD, Professor of Politics and Knowledge of the School of Management and Governance, Department of Science, Technology and Police Studies of University of Twente, Netherlands

Schedler K. — PhD, Professor, Director of the Institute of Management and Public Administration, University of St. Gallen, Switzerland

Schultz D. — PhD, Professor of Political Science, University of Hamlin (USA), Editor in Chief of Public Affairs Education (JPAE)

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russia

ISSN 2312-8313 (Print), ISSN 2411-1228 (Online)

4 issues per year

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Indexed in Russian Science Citation Index, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, Dimensions, East View, EBSCOhost.

Aim and Scope

The scientific journal "RUDN Journal of Public Administration" is the special scientific publication, founded in late 2013.

The journal mission is the assistance of the public administration development on theoretical and practice field as well as to create a platform to discuss interdisciplinary and practice-oriented perspectives in the public administration field.

The journal gives an ability to discuss main ideas and problems of public administration, analysis of current issues of public administration, the theoretical comprehension of the trends and prospects of local government development, synthesis of international practice and experience of public administration and management, highlighting modern trends of higher professional education development on the public administration field, etc.

The main journal headings are following: "Theory and Practice of Public Administration", "Foreign Experience of Management", "Formation and development of local government", "Culture of management", "Anthology of Public Administration" and etc.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The journal is for scientists and researchers, officials in the sphere of public administration, and for a wide range of readers who are interested in problems and perspectives of public administration.

The journal editorial board includes leading scientists and experts of international and national level on the public administration field.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/public-administration>.

E-mail: pubadmj@rudn.ru.

Review Editor *K.V. Zenkin*

Layout Designer *Yu.N. Efremova*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Public Administration:

10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2020

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЙСКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

- Шерстобитов А.С. [и др.]** Роль землячества в рекрутировании политико-административных элит: эвристический потенциал сетевого анализа для исследования элит в России 99
- Ахметова А.Б., Какоев Э.У.** Государственно-частное партнерство как эффективный инструментарий регионального маркетинга России 109
- Ulyanychev M.A.** The Phenomenon of Company Towns: Specific Features of Their Genesis and Development (**Ульянычев М.А.** Феномен корпоративных городов: специфические особенности генезиса и развития) 118

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Gana M.L.** Militia Counterinsurgency: Perspective on the Motivations of Civilian Joint Task Force Militia Participation in Northern Nigeria (**Гана М.Л.** Антиповстанческое ополчение: взгляд на мотивацию участников гражданского ополчения в Северной Нигерии) 124
- Beck M.** Economic Factors Undermining National Security: Joint Defence Facility Pine Gap, Australia (**Бек М.** Экономические факторы, подрывающие национальную безопасность: пример Совместного оборонного комплекса Пайн-Гэп, Австралия) 135
- Nisar R.D.** US-India Nexus & Chinese Appraisal: Triangular Exertions in Central & East Asia (Brief Description) (**Нисар Р.Д.** Внешнеполитические связи между США и Индией и их оценка Китаем: проблема напряженности в трехсторонних отношениях в Центральной и Восточной Азии (краткое описание)) 141

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Игнатовский Я.Р., Иванов В.Г.** Айтирекинг: потенциал для применения в государственном управлении, политическом брендинге и планировании избирательных кампаний 155
- Исаева И.Э.** Развитие исследовательского интереса у студентов бакалавриата при подготовке выпускной квалификационной работы (ВКР) на примере направления Государственное и муниципальное управление 161

CONTENTS

RUSSIAN AND FOREIGN PRACTICES OF SOCIAL REGULATION

- Sherstobitov A.S. et al.** The Role of Regional Compatriotship in Recruitment of Administrative Elites: The Potential of Network Analysis for Study of Elites in Russia 99
- Akhmetova A.B., Kakoev E.U.** Public-Private Partnership as an Effective Tool for Regional Marketing in Russia 109
- Ulyanychev M.A.** The Phenomenon of Company Towns: Specific Features of Their Genesis and Development 118

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION

- Gana M.L.** Militia Counterinsurgency: Perspective on the Motivations of Civilian Joint Task Force Militia Participation in Northern Nigeria 124
- Beck M.** Economic Factors Undermining National Security: Joint Defence Facility Pine Gap, Australia 135
- Nisar R.D.** US-India Nexus & Chinese Appraisal: Triangular Exertions in Central & East Asia (Brief Description) 141

ACADEMIC LIFE

- Ignatovskiy Y.R., Ivanov V.G.** Eye Tracking: Potential Applications for Public Management, Political Branding and Election Campaigns 155
- Isaeva I.E.** Development of Research Interest Among Undergraduate Students During the Preparation of Final Qualifying Work (VKR) on the Example of State and Municipal Administration Educational Program 161

РОССИЙСКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

RUSSIAN AND FOREIGN PRACTICES OF SOCIAL REGULATION

DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-2-99-108

Научная статья

Роль землячества в рекрутировании политико-административных элит: эвристический потенциал сетевого анализа для исследования элит в России

А.С. Шерстобитов, Е.В. Бегарь, Н.М. Горохов, В.Д. Дмитриева,
А.Н. Дыбкина, Д.Н. Еремин, О.С. Киселева, А.В. Ковалевский

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская набережная, 7–9, Санкт-Петербург, Россия, 199034

Аннотация. В данной статье представлены результаты одного из аспектов большого исследования политико-административной элиты в современной России, основанного на методологии сетевого анализа, который пока еще не так часто применяется отечественными элитологами. Авторы обосновывают свой подход к изучению элиты посредством моделирования сетевых связей, построенных на данных, собранных в процессе анализа биографий. Несмотря на низкую объяснительную способность сетевой методологии, ее использование дает возможность структурировать эмпирический материал, продемонстрировать закономерности и поставить вопросы для дальнейших исследований. В представленной работе приводится часть исследования, посвященная изучению связей, основанных на месте рождения. Ключевой вопрос, который ставится в этом контексте, звучит следующим образом: есть ли в федеральных органах исполнительной власти сплоченные группы руководителей, сформированные по принципу землячества? В выборке представлены руководство федеральных исполнительных органов государственной власти, их заместители и руководители департаментов. Авторы приходят к выводу, что в целом землячество не является важным фактором рекрутирования федеральной политико-административной элиты. Однако в некоторых случаях такой атрибут, как место рождения, помогает идентифицировать сплоченные группы. Например, при редуцировании выборки до тех, кто родился после 1970-го года, четко проявляются сплоченные группы в рамках нескольких федеральных органов исполнительной власти.

Ключевые слова: сетевой анализ, политические сети, политико-административная элита, рекрутирование элит, карьерные траектории, землячество

© А.С. Шерстобитов, Е.В. Бегарь, Н.М. Горохов, В.Д. Дмитриева, А.Н. Дыбкина, Д.Н. Еремин, О.С. Киселева, А.В. Ковалевский, 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

В отечественной политической науке постепенно складывается консенсус относительно понятия политико-административных элит. В западной политологии принято выделять политическую и административную элиты в качестве взаимозависимых, но в то же время отдельных совокупностей субъектов политического управления [1; 2]. Эта логика лежит в русле, проложенном классиком теории элит М. Вебером, который типологически развел «политиков» и «чиновников» [3]. В то же время в исследованиях российской элиты ученые придерживаются двух разных подходов. В одном случае авторы продолжают западную традицию и разделяют ее на два типа элит [4; 5]. В других работах она рассматривается как единое целое [6; 7; 8]. В данной статье мы не ставим целью разрешить это противоречие, однако считаем важным сразу определить объект нашего исследования. Соглашаясь с А.В. Дукой в том, что концептуальные подходы к изучению элит обусловлены состоянием общества, в котором они возникают и воспроизводятся [9], в качестве федеральной административной элиты мы выделяем руководство исполнительных органов государственной власти и их заместителей, а также руководителей департаментов. Мы сознательно исключаем из выборки, которая будет использована в настоящем исследовании, представителей Администрации Президента, так как считаем их скорее членами политической, нежели административной элиты.

Отечественные исследователи политико-административных элит выделяют различные механизмы рекрутирования. А.И. Соловьев отмечает, что в России доминирует подход, главными механизмами и технологиями которого являются кооптация, сделки как результаты внутриэлитарного торга, протекционизм, попечительство, поддержание родственных, земляческих и неформальных связей [10]. Г.А. Борщевский рассматривает карьерные траектории руководящего состава федеральных министерств и приходит к выводу, что нет какой-то одной доминирующей модели формирования политико-административной элиты, но отмечает три основных источника рекрутирования: кадровые чиновники, отраслевые эксперты и политические назначенцы [11].

Ученые сходятся в том, что опыт изучения властных групп демонстрирует ряд сложностей для эмпирического анализа, так как они закрыты и труднодоступны для изучения, и это существенно ограничивает возможности применения количественных методов [12]. Подавляющее большинство эмпирических исследований элит в России, так или иначе, основано на изучении структурных особенностей элитных институтов, выявлении социальных групп – источников политико-управленческих кадров, определения образовательного и профессионального бэкграунда, а также того, какое влияние предшествующий опыт оказывает на осуществление функций представителями различных отраслевых групп политической элиты [13]. Методический инструментарий чаще всего представляет собой такие качественные подходы, как метод глубинных нестандартизованных интервью, наблюдение, анализ биографических данных. Из количественных методов преобладает описательная статистика.

Результаты

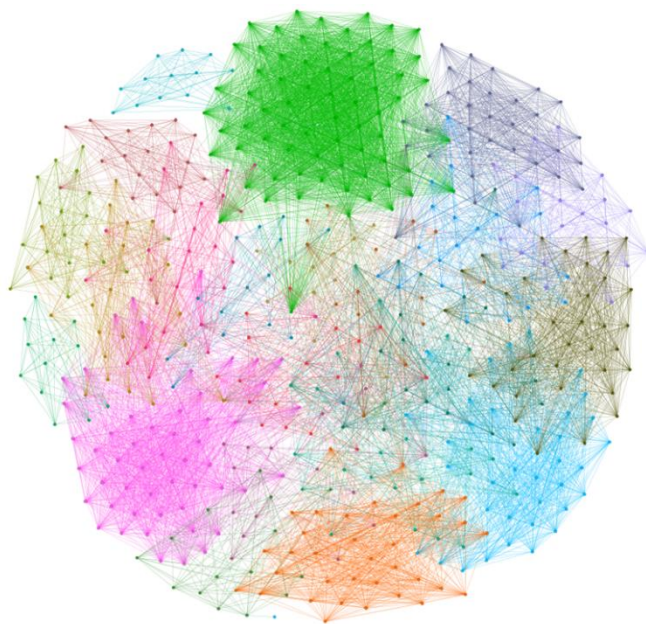
В нашем исследовании мы с помощью сетевого анализа выявляем взаимосвязь между положением должностного лица в структуре федеральной исполнительной власти и наличием у него связей с другими акторами сети на основе их образовательных траекторий, семейных связей и предыдущих мест работы и других атрибутов. Сетевой подход дает достаточно широкие возможности в качестве эксплоративной методологии изучения социальных групп, внутриорганизационных структур, межинституциональных взаимодействий [14; 15]. В то же время необходимо подчеркнуть, что исследование сетей, с одной стороны, позволяет выявить определенные характеристики отношений между узлами, паттерны построения связей, роли акторов, динамику. Но, с другой стороны, сетевой анализ обладает довольно низкой объяснительной способностью, поэтому, на наш взгляд, может выступать в качестве базы для дальнейших более глубоких объяснительных исследований, направленных на постановку и апробацию гипотез, поиск зависимостей и формулирования фундаментальных выводов. Таким образом, основной задачей нашей работы является подготовка эмпирической базы и постановка дальнейших вопросов и гипотез для дальнейшего изучения.

Выборка исследования сформирована на основе изучения биографий федеральных министров, их заместителей, а также руководителей департаментов по состоянию на май 2019 года (всего 550 узлов). Для выявления атрибутов каждого узла коллективом были обработаны официальные страницы министерств и ведомств, публикации в средствах массовой информации, личные страницы представителей элиты в социальных сетях (всего более 1500 источников). База включает ФИО, место и дату рождения, место получения высшего (высших) образования, карьерные траектории. В процессе анализа все узлы были закодированы.

Как мы отмечали выше, большинство отечественных исследователей сходятся в том, что механизмы рекрутирования элит в современной России нередко носят теневой характер. В период президентства В. Путина набор элиты действительно в определенной мере осуществлялся посредством видимых неформальных механизмов: личных связей, землячества, протекционизма [13], поэтому мы разбили анализ получившейся сети на несколько подпроектов, каждый из которых ориентирован на конкретные исследовательские вопросы. В данной статье приводится часть исследования, посвященная изучению связей, основанных на месте рождения. Ключевой вопрос, который ставится в этом контексте, звучит следующим образом: *есть ли в федеральных органах исполнительной власти сплоченные группы руководителей, сформированные по принципу землячества?*

На рисунке 1 изображена сетевая карта федеральной политико-административной элиты, построенная на основе связей по месту рождения. Для работы с сетевыми данными и визуализации результатов в данной части исследования использовалось программное обеспечение Gephi [16]. В получившейся сети отображены связи землячества и организационные связи,

чтобы отобразить группировку узлов по министерствам, сплоченные группы по которым отображены различными цветами. Связи намеренно не взвешивались, так как в настоящее время отсутствуют релевантные исследования, которые можно было бы положить в основу распределения весов для разных типов связей.

Рис. 1. Сеть политико-административной элиты РФ, построенная на основе связей землячества

Fig. 1. Network of the political and administrative elite of the Russian Federation, built on the basis of compatriotship ties

Как и ожидалось, визуально невозможно выявить устойчивые землячества в рамках какого-то конкретного структурного подразделения. Сетевую карту сильно размывают взаимные связи тех, кто родился в Москве и Московской области (119 узлов). Они достаточно равномерно распределены по всем исследуемым органам власти. Поэтому мы выделили субъекты РФ, которые являются наиболее представительными для нашей выборки (Таблица 1), и убрали связи тех, кто родился в Москве и Московской области. Мы исходили из презумпции, что фактическое нахождение министерств в Москве снижает влияние изучаемого атрибута. Такой подход представляется обоснованным в том числе и потому, что в мегаполисе, на наш взгляд, связи землячества довольно слабые.

Итак, для дальнейшего анализа на втором этапе был применен следующий алгоритм:

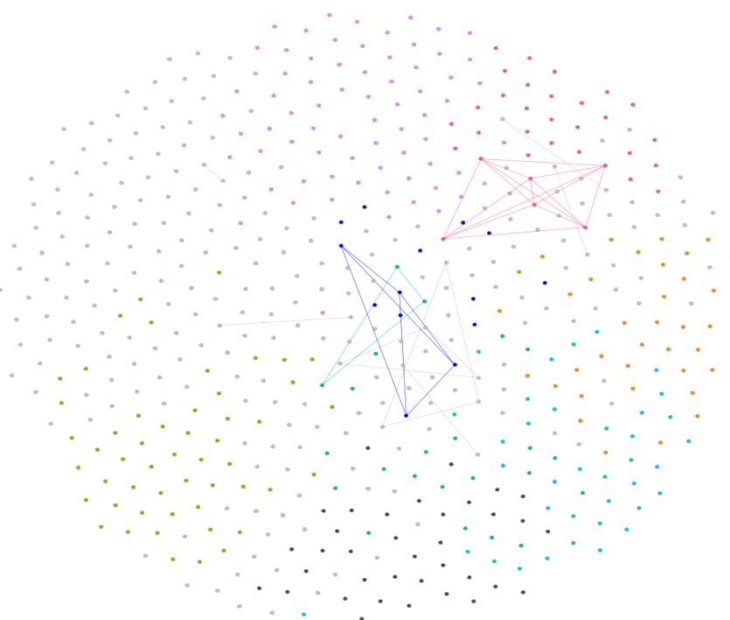
- 1) убраны связи акторов, родившихся в Москве и Московской области;
- 2) убраны организационные связи внутри министерств;
- 3) отрисованы связи для акторов, родившихся в Санкт-Петербурге, Красноярском крае, Самарской области, Республике Татарстан и Нижегородской области;

- 4) в получившейся сетевой карте оставлены связи внутри одного министерства;
- 5) отобраны группы, численный состав которых в относительном измерении значим по сравнению со всеми акторами выборки, родившимися в одном субъекте РФ. Таким образом, нам удалось отсеять случайные (для нашей модели) совпадения мест рождения и работы в одном министерстве.

Таблица 1 / Table 1

Распределение мест рождения представителей федеральной политико-административной элиты по субъектам РФ (наибольшее представительство) / *Distribution of birthplaces of representatives of the federal political and administrative elite by constituent of the Russian Federation regions (largest representation)*

Москва / Moscow	Московская область / Moscow Oblast	Санкт-Петербург / Saint-Petersburg	Красноярский край / Krasnoyarsk Territory	Самарская область / Samara Oblast	Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	Нижегородская область / Nizhniy Novgorod Oblast
88	31	29	14	11	9	9

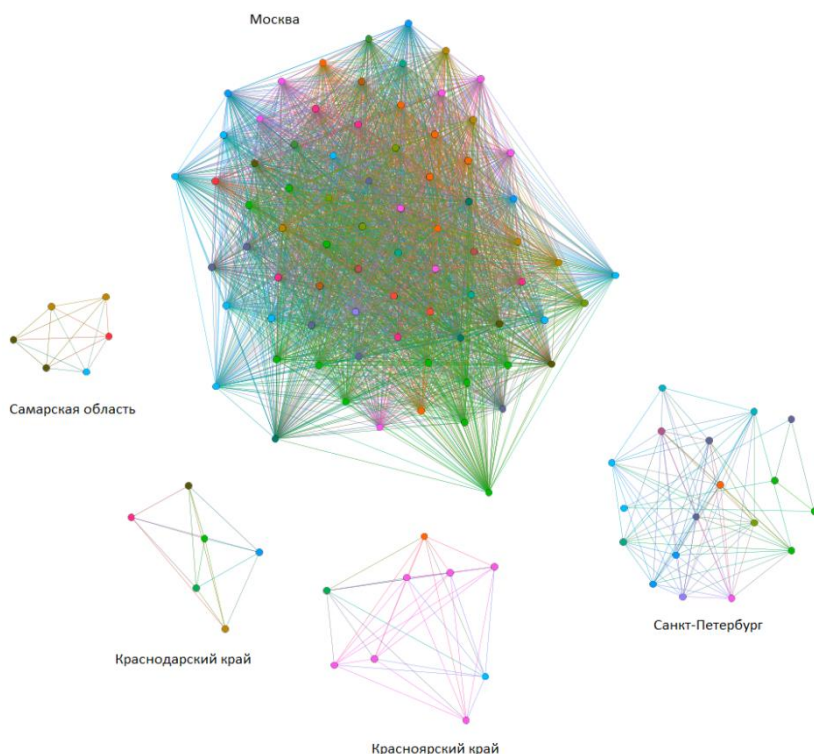
Рис. 2. Акторы, сгруппированные на основе связей землячества в рамках одного министерства

Fig. 2. Actors grouped on the basis of compatriotship within a single ministry

Результаты применения алгоритма, которые проиллюстрированы на рисунке 2, дают интересный материал для дальнейшего изучения. На рисунке видны как минимум две группы землячков, которые работают в рамках одной организационной структуры. В Министерстве науки и высшего образования (сиреневый цвет) выявлено землячество из Красноярского края (6 узлов), а в

Министерстве сельского хозяйства РФ – землячество из Санкт-Петербурга (5 узлов). Дальнейший анализ показал, что в обоих случаях в сетях земляческих связей были и министры (М.М. Котюков и Д.Н. Патрушев). Таким образом, можно предположить, что имеет место патронаж, базой которого являются связи землячества. Но эту гипотезу, безусловно, имеет смысл тестировать на большем эмпирическом материале, причем не только полученном биографическим методом. Скорее всего, для такого исследования нужно проводить интервью, а также анализировать несколько составов правительства. Тем не менее, наша работа может дать дополнительные данные для разработки дизайна объяснительного исследования.

Например, биографический анализ выявленных землячеств показал, что большинство акторов родились после 1970-го года. К сожалению, нам не удалось найти теоретически обоснованное и верифицированное объяснение полученного результата, однако для эксплоративной части исследования это наблюдение несомненно представляет интерес. Поэтому на третьем этапе нашей работы мы построили сетевую карту, основанную на связях по месту рождения для сотрудников, которые родились не ранее 1970-го года. На рисунке 3 изображены сети землячеств, где есть хотя бы два земляка в рамках одного министерства. На полученной визуализации наглядно представлен совсем не удивительный факт, что наибольших успехов в карьерных траекториях достигают родившиеся в Москве и Московской области.

Рис. 3. Акторы, родившиеся не ранее 1970-го года и сгруппированные на основе связей землячества

Fig. 3. Actors born no earlier than 1970 and grouped on the basis of compatriotship

Но есть и еще требующие более глубокого анализа наблюдения. Например, для некоторых министерств характерна большая по сравнению с другими концентрация тех, кто родился в столичном регионе. Особенно это касается министерств экономического блока:

- 1) Министерство экономического развития – узлы светло-зеленого цвета;
- 2) Министерство промышленности и торговли – узлы алого цвета;
- 3) Министерство финансов – узлы голубого цвета.

Заключение

Итак, проведенное исследование продемонстрировало, что, как и отмечают многие авторы, механизмы рекрутирования политико-административных элит в современной России включают фактор землячества. В то же время этот фактор не является доминирующим, а скорее всего действует наравне с остальными. Интересно, что в нашей выборке этот фактор ярко проявился в возрастной группе родившихся не ранее 1970-го года, что дает определенные основания для формулирования соответствующей гипотезы и объяснительного исследования.

В нашем исследовании мы планируем двигаться дальше, тестируя сетевые карты, построенные на основе других атрибутов: образовательного и профессионального бэкграунда. Кроме того, необходимо учесть, что в январе 2020 года в значительной степени сменился персональный состав Правительства РФ и министерств, поэтому у исследователей появляется возможность сделать еще одну выборку для более представительного исследования, а также для сравнительного анализа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Gowan P.* The Origins of the Administrative Elite // *New Left Review*. 1987. № 162. P. 4–34.
- [2] *Rouban L.* The Political and Administrative Elites. In: Perrineau P., Rouban L. (eds) *Politics in France and Europe. Europe in Transition: The NYU European Studies Series*. New York: Palgrave Macmillan, 2009. С. 121–142.
- [3] *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 804 с.
- [4] *Тев Д.Б.* Федеральная административная элита России: карьерные пути и каналы рекрутирования // *ПОЛИС. Политические исследования*. 2016. № 4. С. 115–130.
- [5] *Тев Д.Б.* Бизнес как источник рекрутирования федеральной административной и политической элиты в России // *Власть и элиты*. 2018. Т. 5. С. 54–86.
- [6] *Понедельков А.В., Старостин А.М.* Формирование путей рекрутации административно-политических элит в современной России // *Власть*. 2007. № 6. С. 3–8.
- [7] *Гаман-Голутвина О.В.* Российские элиты в зеркале политической науки // *PRO NUNC. Современные политические процессы*. 2008. Т. 8. № 1. С. 10–37.
- [8] *Пляйс Я.А.* Политико-административная элита современной России: Проблемы трансформации. *Власть*. 2015. № 4. С. 29–33.
- [9] *Дука А.В.* Теоретические проблемы в исследовании властных элит // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2008. Т. 11. № 1. С. 50–70.
- [10] *Соловьёв А.И.* Российский элитогенез: универсальное и специфическое // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2010. № 3. Том 3. С. 99–112.

- [11] *Борщевский Г.А.* Высшие государственные служащие как политико-административная элита современной России // *Полития*. 2018. № 1 (88). С. 82–99.
- [12] *Шентякова А.В.* Проницаемость каналов рекрутирования в политическую элиту // *Вестник СПбГУ*. Сер. 6. 2015. Вып. 3. С. 46–56.
- [13] *Воронкова О.А., Сидорова А.А., Крыштановская О.В.* Российский истеблишмент: пути и методы обновления // *ПОЛИС. Политические исследования*. 2011. № 1. С. 66–79.
- [14] *Градосельская Г.В.* Сетевые измерения в социологии: учебное пособие. М.: Новый учебник, 2004. 240 с.
- [15] *Шерстобитов А.С.* Моделирование политических сетей как метод анализа публичной политики // *Вестник С-Петербур. ун-та*. Сер. 6. 2012. № 4. С. 102–108.
- [16] *Bastian M., Heumann S., Jacomy M.* Gephi: An Open Source Software for Exploring and Manipulating Networks // *International AAAI Conference on Weblogs and Social Media*. 2009. URL: <https://aaai.org/ocs/index.php/ICWSM/09/paper/view/154/1009>. Дата обращения: 07.02.2020.

Research article

The Role of Regional Compatriotship in Recruitment of Administrative Elites: The Potential of Network Analysis for Study of Elites in Russia

**A.S. Sherstobitov, E.V. Begar, N.M. Gorohov, V.D. Dmitrieva,
A.N. Dybkina D.N. Eremin, O.S. Kiseleva, A.V. Kovalevskiy**

Saint Petersburg State University

Universitetskaya Embankment, 7–9, St.-Petersburg, Russian Federation, 199034

Abstract. The paper is devoted to presentation of the one aspect of the research project dedicated to study of political administrative elite in contemporary Russia. It is based on the network analysis methodology that is not widely used by Russian scholars of elites. The authors establish their approach on the mapping of the social networks within elite groups. Although the explanatory power of the network approach is still comparatively weak it is applied as exploratory method for structuring of empirical data, find the trends and set the research questions and hypotheses. The study of networks based on the birthplace is presented in the paper. The key research question is the following: are there cohesive subgroups based on birthplace compatriotship in federal executive branch of power? Federal ministers, deputy ministers and heads of departments are included into sample. The authors find that regional compatriotship is not the important factor of the recruitment of the federal political administrative elite. However, in some cases the cohesive groups based on compatriotship ties appear within one ministry. For example, when the authors reduce the sample to those who were born after 1970, several cohesive subgroups of regional compatriots are found.

Keywords: network analysis, political networks, political administrative elite, elites recruitment, career trajectories, regional compatriotship

REFERENCES

- [1] Gowan P. The Origins of the Administrative Elite. *New Left Review*. 1987; 162: 4–34.
- [2] Rouban L. The Political and Administrative Elites. *Politics in France and Europe. Europe in Transition: The NYU European Studies Series*. Perrineau P., Rouban L. (eds). New York: Palgrave Macmillan; 2009: 121–142.
- [3] Weber M. *Izbrannije proizvedenija* [Selected Publications]. Moscow: Progress; 1990. 804 p. (In Russ.).

- [4] Tev D.B. Federal'naja administrativnaja elita Rossii: kariernije puti I kanali rekrutirovaniya [Federal Administrative Elite in Russia: Careers and Channels of Recruitment]. *POLIS. Political studies*. 2016; 4: 115–130 (In Russ.).
- [5] Tev D.B. Biznes kak istochnik rekrutirovaniya federal'noj administrativnoj I politicheskoy eliti v Rossii [Business as the Source of the Recruitment of Federal Administrative and Political Elite in Russia]. *Power and Elites*. 2018; 5: 54–86 (In Russ.).
- [6] Ponedelkov A.V., Starostin A.M. Formirovaniye putey rekrutacii administrativno-politicheskikh elit v sovremennoj Rossii [The Formation of the Channels of the Recruitment of Political Administrative Elites in Contemporary Russia]. *Vlast'*. 2007; 6: 3–8 (In Russ.).
- [7] Gaman-Golutvina O.V. Rossijskije elity v zerkale politicheskoy nauki [Russian Elites in the Mirror of Political Science]. *PRO NUNC. Sovremennije politicheskije processy*. 2008; 1 (8): 10–37 (In Russ.).
- [8] Pliays J.A. Politiko-administrativnaja elita sovremennoj Rossii: problem transformacii [Political Administrative Elite in Contemporary Russia: The Issues of Transformation]. *The Authority*. 2015; 4: 29–33 (In Russ.).
- [9] Duka A.V. Teoreticheskiye problemy v issledovaniji vlastnih elit [Theoretical Issues in Study of Power Elites]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2008; 1 (11): 50–70 (In Russ.).
- [10] Soloviev A.I. Rossijskij elitogenez: universal'noye I specificheskoye [Genesis of Russian Elites: Universal and Specific Features] // *Problem Analysis and Public Administration Projection*. 2010; 3. (3): 99–112 (In Russ.).
- [11] Borschevskij G.A. Vysshije gosudarstvenniye sluzhashije kak politico-administrativnaja elita sovremennoj Rossii [Top Civil Servants as Political Administrative Elite in Contemporary Russia]. *Politeia*. 2018; 1 (88): 82–99 (In Russ.).
- [12] Shentiakova A.V. Pronicajemost' kanalov rekrutirovaniya v politicheskuyu elitu [Permeability of the Channels of Recruitment of Political Elite]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6*. 2015; 3: 46–56 (In Russ.).
- [13] Voronkova O.A., Sidorova A.A., Kryshchanovskaya O.V. Rossijskij isteblishment: puti I metody obnovleniya [Russian Establishment: Ways and Methods of Renovation]. *POLIS. Political studies*. 2011; 1: 66–79 (In Russ.).
- [14] Gradosel'skaya G.V. *Setevije izmerenija v sociologii: uchebnoye posobie* [Network Measurement in Sociology: Handbook]. Moscow: Novij uchebnyk; 2004. 240 p. (In Russ.).
- [15] Sherstobitov A.S. Modelirovaniye politicheskikh setej kak method analiza publichnoj politiki [Political Networks Modelling as the Method for Public Policy Research]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6*. 2012; 4: 102–108 (In Russ.).
- [16] Bastian M., Heymann S., Jacomy M. Gephi: An Open Source Software for Exploring and Manipulating Networks. *International AAAI Conference on Weblogs and Social Media*. 2009. URL: <https://aaai.org/ocs/index.php/ICWSM/09/paper/view/154/1009>. Accessed: 07.02.2020.

Информация об авторах:

Шерстобитов Александр Сергеевич – кандидат политических наук, соучредитель ООО «Институт регионального развития» (ORCID ID: 0000-0001-5951-5779) (e-mail: sherstobitovas@mail.ru).

Бегарь Елизавета Витальевна – студентка 4 курса факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (ORCID ID: 0000-0002-4186-760X) (e-mail: libelibe98@gmail.com).

Горохов Николай Михайлович – студент 4 курса факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (ORCID ID: 0000-0003-0597-3381) (e-mail: gorohov_1998@inbox.ru).

Дмитриева Валерия Денисовна – студентка 4 курса факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (ORCID ID: 0000-0001-7058-787X) (e-mail: ms.valeria.spb@mail.ru).

Дыбкина Анастасия Николаевна – студентка 4 курса факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (ORCID ID: 0000-0002-8108-8926) (e-mail: a.dybkina@yandex.com).

Еремин Даниил Николаевич – студент 4 курса факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (ORCID ID: 0000-0002-1129-5460) (e-mail: ereminspbu@gmail.com).

Киселева Ольга Сергеевна – студентка 4 курса факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (ORCID ID: 0000-0002-0071-6274) (e-mail: lely-98@mail.ru).

Ковалевский Артем Васильевич – студент 4 курса факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (ORCID ID: 0000-0003-0758-1330) (e-mail: kovalevsky.artem@yandex.ru).

Information about the authors:

Aleksandr S. Sherstobitov – PhD in Political Science, Co-founder of Institute of Regional Development Ltd (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-5951-5779) (e-mail: sherstobitovas@mail.ru).

Elizaveta V. Begar – 4th Year Student of the Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-4186-760X) (e-mail: libelibe98@gmail.com).

Nikolay M. Gorohov – 4th Year Student of the Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-0597-3381) (e-mail: gorohov_1998@inbox.ru).

Valeria D. Dmitrieva – 4th Year Student of the Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-7058-787X) (e-mail: ms.valeria.spb@mail.ru).

Anastasia N. Dybkina – 4th Year Student of the Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-8108-8926) (e-mail: a.dybkina@yandex.com).

Daniil N. Eremin – 4th Year Student of the Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-1129-5460) (e-mail: ereminspbu@gmail.com).

Olga S. Kiseleva – 4th Year Student of the Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-0071-6274) (e-mail: lely-98@mail.ru).

Artyom V. Kovalevskiy – 4th Year Student of the Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-0758-1330) (e-mail: kovalevsky.artem@yandex.ru).

Для цитирования:

Шерстобитов А.С. [и др.] Роль землячества в рекрутировании политико-административных элит: эвристический потенциал сетевого анализа для исследования элит в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 2. С. 99–108. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-2-99-108

For citation:

Sherstobitov A.S. et al. The Role of Regional Compatriotship in Recruitment of Administrative Elites: The Potential of Network Analysis for Study of Elites in Russia. *RUDN Journal of Public Administration*. 2020; 7 (2): 99–108. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-2-99-108

DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-2-109-117

Научная статья

Государственно-частное партнерство как эффективный инструментарий регионального маркетинга России

А.Б. Ахметова, Э.У. Какоев

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Аннотация. Статья посвящена региональному маркетингу и исследованию роли инструментов государственно-частного партнерства с точки зрения развития региональной инфраструктуры России. Улучшение инвестиционного климата является основным условием успешности социально-политического и экономического развития государства. Авторами проведен анализ современных экономических условий и последствий внешних санкций против России, а также зависимости экономики от прямых иностранных инвестиций. В работе рассматривается экономическое положение регионов Российской Федерации в условиях санкций со стороны западных стран при формировании импортозамещения. Особое внимание уделено механизмам и методам экономической политики центральных и региональных властей России в использовании инструментов и методов регионального маркетинга на примере государственно-частного партнерства (ГЧП), способствующих привлечению инвестиций в регионы и в страну в целом, позволяющим изыскание дополнительного финансирования, повышение эффективности государственных вложений.

Ключевые слова: региональный маркетинг, управление территориями, государственно-частное партнерство, развитие регионов, инвестиционная привлекательность, прямые иностранные инвестиции, санкции, инвестиционная привлекательность, импортозамещение

Россия вошла в 2020 год с низкими темпами экономического роста и с очень слабыми перспективами его ускорения. Это связано с ухудшением мировой экономической ситуации в связи с пандемией коронавирусной инфекции, которая ослабила экономическую активность во многих странах, а также с новостью о прекращении сделки ОПЕК+, после которой упали цены на нефть и, как следствие, сильно ослаб рубль и снизились котировки на российском фондовом рынке.

Кроме того, сегодня, внешнеэкономические отношения на макроуровне характеризуются высоким уровнем нестабильности. Российские ответные

© Ахметова А.Б., Какоев Э.У., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

санкции на поставки продукции сельского хозяйства, продовольствия и сырья из 41 страны в целом, среди которых США, Австралия, Канада, Норвегия и др., а также импорт иностранных технологий, оборудования и т.д., оказывают значительное влияние на экономическую ситуацию стран, поддержавших санкции в отношении нашей страны.

Следствием санкционной политики зарубежных стран в отношении России стал небывалый отток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из России.

Из-за санкционных рисков иностранные компании перестали инвестировать в Россию.

В 2019 году Центральный банк опубликовал статистику прямых иностранных инвестиций за период 2018 года. Представленные материалы демонстрируют снижение входящих ПИИ более чем в 3 раза в сравнении с аналогичным уровнем 2017 г. По мнению экспертов, подобная динамика отражает ухудшение настроений у зарубежных инвесторов, что во многом связано с обеспокоенностью в отношении продолжительности политики санкций со стороны ЕС и США [1].

Следует отметить неравномерность распределения внешних прямых инвестиций (ПИИ) по территории РФ, что, в свою очередь, может быть связано с объемом валового регионального продукта (ВРП) регионов. По имеющимся данным, в первой половине 2019 г. из 36,500 отечественных предприятий с иностранным собственником наиболее высокая доля наблюдалась в таких регионах, как Москва, МО, Санкт-Петербург и Ленинградская область. Региональный анализ инвестиционной активности указывает на существенную пространственную дифференциацию. Согласно этому все российские регионы можно разделить на 3 типа [2].

1. Регионы, с наблюдаемой наиболее высокой долей ПИИ, направляемых в отрасль по добыче полезных ископаемых (Сахалинская и Тюменская области, вместе с Ямало-Ненецким и Ханты-Мансийским автономными округами). На этих территориях осуществляются масштабные инвестиционные проекты по освоению нефтегазовых месторождений («Сахалин-1», «Сахалин-2», «Ямал СПГ» и другие). Это в первую очередь связано с экспортно-ориентированностью предприятий в данных районах и в наивысшей степени влияет на положительное решение иностранных инвесторов.

2. «Столичные» регионы (Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область), показывающие высокие показатели притока капитала из других стран, ввиду развитой инфраструктуры и технологических условий (например высокоскоростные сети 4 и 5G), с чем часто не лучшим образом обстоят дела в других областях и регионах. Основной инвестор регионов данного типа – «офшор» Нидерланды.

3. Регионы с благоприятным «инвестиционным климатом» (Белгородская область, Калужская область, Республика Татарстан, Приморский край). Данный тип выделяется на основании эффективности инвестиционной политики.

Развитая инфраструктура, большое количество экспортно-ориентированных предприятий и высокий потребительский спрос, таким образом,

являются основными факторами, влияющими на неравномерное распределение прямых иностранных инвестиций (ПИИ) по Стране.

В связи с этим одной из задач является привлечение прямых иностранных инвестиций в удаленных от центра регионы. С этой целью в 2018 г. правительством были предприняты шаги по снижению соответствующих барьеров для увеличения уровня инвестиционной привлекательности Дальнего Востока, например, облегчение получения электронных виз лицами из стран, являющихся потенциальными инвесторами.

В связи со сказанным созданием инвестиционной привлекательности для инвесторов должны заниматься не только центральные власти России, но и различного статуса региональные (территориальные, муниципальные и т.д.) власти, тем более что в их распоряжении имеется динамично развивающийся в последнее десятилетие инструментарий регионального маркетинга. Так, российские власти следят за выполнением Федерального закона от 5 марта 1999 г. № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг», а также действует Ассоциация по защите прав инвесторов [3], проводит регулирование инвестиционного климата (в том числе в рамках приведения в действие «регуляторной гильотины» в 2019–2020 годах), развивают рыночные механизмы, предлагают новые инфраструктурные проекты. Особое значение придается имиджу страны как глобального экономического игрока.

Однако несмотря на проделанные шаги все еще продолжают существовать факторы, оказывающие негативное влияние на рассматриваемую в данной статье сферу:

– низкая результативность господдержки, неточность и несогласованность при формировании правовой базы, призванной защитить права и интересы инвесторов, низкая оценка предоставляемых государством гарантий. И в целом низкая активность государственных институтов в работе с потенциальными инвесторами;

– агрессивная и часто неподконтрольная политика естественных монополий и вырабатываемая ими ценовая политика. В отношении последнего государственным институтам предъявляются наибольшие претензии в области их деятельности в отношении ценообразования и роста издержек производства предприятий реального сектора экономики;

– слабой стороной также является формирование кредитных ресурсов и развития соответствующей инфраструктуры.

Далее следует рассмотреть один из наиболее актуальных в настоящее время инструментов для улучшения инвестиционного климата, которыми сегодня располагает государство. И в качестве такого инструмента считаем необходимым рассмотреть государственно-частное партнерство (далее – ГЧП), которое при должном подходе способно эффективно влиять на приток внешних инвестиций.

Дубова и Ермолина в одном из своих исследований выдвигают гипотезу о том, что «для привлечения частного бизнеса в целях развития общественных инфраструктур и инфраструктурного менеджмента целесообразно использовать механизмы государственно-частного партнерства (ГЧП)» [4].

С каждым годом число стран, ставящих технологического развитие и имплементацию данного инструмента на первое место, неуклонно растет. В таких странах отмечаются высокие требования к социальным услугам и информационно-технологической инфраструктуре.

По мнению Матаевой Т.М., «“Законодателем мод”» в государственно-частном партнерстве (ГЧП) является Великобритания, где в 1992 г. была создана Частная финансовая инициатива, основанная на договорах концессии, и которая значительно повлияла на региональное развитие» [5]. Основной идеей была унификация и единообразие в эксплуатации активов и реализации проектов между частным сектором и государством.

В отношении объема понятия государственно-частное партнерство, согласно Лихачеву В. и Азанову М., разные страны «вкладывают различные варианты осуществления проектов, широкий спектр бизнес-моделей и отношений использования ресурсов частного сектора (капитал, ноу-хау, опыт менеджеров) для удовлетворения общественных нужд (дороги, парки, связь, недвижимость и т.п.)» [6].

Например, Всемирный банк рассматривает государственно-частное партнерство как некое соглашение, к которому приходит частный сектор и государство при производстве, предоставлении различного рода услуг, которые необходимы для привлечения финансирования, осуществляемого как извне, так и государством [7].

Важной особенностью использования государственно-частного партнерства считается возможность реального сектора экономики без высокого процента используемых бюджетных средств. Также делегация управленческих функций от государства бизнесу может повысить эффективность использования государственного имущества и ресурсов, и увеличить профитность государственных активов. Таким образом, фактически, государственно-частное партнерство реформирует управленческую подсистему государства, включая в ее структурно-функциональные основания концепцию современного отношения государства и бизнеса, что конечно, выходит за рамки лишь инвестиционной политики, но делает ее более целостной, сложной, учитывающей большее число факторов и интересов стейкхолдеров. В российском кейсе применения ГЧП отчетливо прослеживается влияние Европейского Союза и транзит его опыта в нашу социально-политическую и экономическую действительность. При этом, по мнению экспертов, в России отношение объема частных инвестиций в инфраструктуру в проектах государственно-частного партнерства к номинальному ВВП не достигает 1%, тогда как для эффективного развития инфраструктурных инвестиций с использованием данного типа партнерства необходимо, чтобы это соотношение сохранялось на уровне 4–5% [8].

При работе с данной темой использовалось определение «государственно-частного партнерства», предложенное Джеффри Делмоном. Делмон понимал государственно-частное партнерство в его наиболее широком смысле как любые контрактные или юридические отношения между государственными и частными структурами с целью улучшения и/или расширения

инфраструктурных услуг, исключая контракты по государственному заказу (государственные закупки) [9]. Термин «государство» в таком случае используется для обозначения уровня общественной власти, ответственного за взаимодействие с частным сектором экономики, на микро- и макроуровнях.

Хочется отметить, что государственно-частное партнерство является своеобразным подходом к предоставлению услуг в сфере инфраструктуры, резко отличающейся от традиционных гос. закупок. Так, в случае создания работоспособного института ГЧП ему отводятся следующие роли в системе экономических взаимоотношений государства [10]:

- формирование общих инвестиционных ресурсов государственного и частного секторов для достижения общественно значимых результатов;
- повышение эффективности использования объектов государственной собственности на основе предпринимательской мотивации;
- создание новых методов управления;
- создание добавленной стоимости для потребителей и общества в целом;
- объективное определение нужд рынка;
- оптимальное использование ресурсов.

В российской действительности и при практическом применении термин «ГЧП» используется с учетом ведущей роли государства, исторически сложившегося менталитета и главенствующей роли органов государственной власти. И действительно, именно государство является инициатором многих большинства современных проектов государственно-частного партнерства.

Тем не менее, в рамках государственно-частного партнерства частный сектор, с учетом государственных гарантий, осуществляет приращение организационного и коммуникационного опыта, актуальных знаний, ноу-хау, самостоятельно осуществляет инвестиционную политику. Благодаря этому Общество получает более качественные товары и услуги, что впоследствии должно давать дополнительный импульс к дальнейшему развитию государственно-частного партнерства. При этом сокращаются издержки со стороны государства. В итоге мы можем говорить о формировании некоего альянса между государством и частным сектором и совместном выполнении проектов, в том числе социально значимых как на региональном, так и на федеральном уровне. Однако в западной практике подобные альянсы часто сугубо проблемно- или проектно-ориентированные, а значит временные, так как изначально формируются на определенный срок и в целях выполнения четких целей и задач.

Таким образом, «государство перекладывает часть рисков на компании частного сектора, одновременно пользуясь опытом и творческими возможностями последнего. Дополнительным преимуществом такого партнерства для государства может быть сокращение потребностей в бюджетном финансировании проектов. В свою очередь, частные компании получают новых заказчиков и потребителей или даже целые рынки сбыта, обычно более стабильные по сравнению с традиционными рыночными нишами» [11].

С организационно-правовой точки зрения выделяют следующие признаки ГЧП [12]:

- стороны партнерства должны быть представлены как государственным, так и частным сектором экономики;
- государство и частный бизнес должны быть взаимно заинтересованы в инвестиционном проекте;
- взаимоотношения сторон должны быть зафиксированы в официальных договорах;
- взаимоотношения сторон должны носить партнерский, т. е. равноправный характер;
- стороны должны иметь общие цели и четко определенный государственный интерес;
- стороны должны объединить свои вклады для достижения общих целей;
- при создании партнерства должны учитываться режим иностранных инвестиций, административное право, режим обмена валюты, налоговое право, экологические нормы и т. д.;
- стороны должны распределять между собой расходы и риски, а не участвовать в использовании полученных результатов.

Также анализируя наше законодательство, мы видим следующие формы ГЧП:

- создание совместных государственно-частных предприятий;
- аренда;
- контракты на выполнение работ, оказание услуг, поставки продукции для государственных нужд;
- лизинг;
- технопарки.
- соглашения о разделе продукции;
- концессия;
- использование средств Инвестиционного фонда РФ;
- создание особых экономических зон.

Выводы

Сегодня внешние инвестиции, даже с учетом кризисных явлений в мировой экономике, продолжают поступать в нашу страну. Это, в свою очередь, стимулирует выполнение существующих и появление новых региональных и национальных бизнес-проектов. Основным фокусом внимания все еще является работа над созданием благоприятного инвестиционного климата, который в долгосрочной перспективе положительно скажется на социально-политическом и экономическом развитии России и стран-инвесторов. Основным вызовом для этой сферы, по нашему мнению, станет удержание собственных позиций на рынке с приходом новых торговых партнеров при возвращении конкурентов из санкционного списка. Для этого потребуются систематические структурные изменения в отношениях между региональными игроками, а также формирование новых правил игры, включающих государственно-частное партнерство, сотрудничество малого и среднего бизнеса, слаженную

межведомственную работу государственных институтов. Основным фактором неопределенности, с учетом общемировой обстановки, очевидно можно считать влияние пандемии коронавируса COVID-19 на национальные и глобальные рынки.

В отношении использования инструментов регионального маркетинга и государственно-частного партнерства государству нужно будет уделить особое внимание и выделить необходимые ресурсы для создания экономических зон со специальным статусом, применения инструментов концессии, организации инвестиционных фондов, систематической поддержки частного сектора экономики и образований, сформированных в результате ГЧП, например холдингов, способных к долгосрочному осуществлению контактов и совместной работы частного сектора и государства. Все это окажет положительное влияние на инвестиционный имидж нашей страны, сформирует новую культуру социально-политических и экономических отношений, повысит эффективность управления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Титов Д.* Прямые иностранные инвестиции немного оживились // *Экономика и жизнь*. 2010. № 22 (9788). URL: <https://www.eg-online.ru/article/400727/>. Дата обращения: 15.03.2020.
- [2] *Дубова Ю.И., Ермолина Л.В.* Перспективы использования государственно-частного партнерства в маркетинге территорий // *Вестник Самарского государственного университета*. 2015. № 8 (130). С. 49–54.
- [3] Федеральный закон от 5 марта 1999 г. № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг». URL: <http://base.garant.ru/12114746/>. Дата обращения 15.03.2020.
- [4] *Матаев Т.М.* Определение и классификация форм государственно-частного партнерства // *Российское предпринимательство*. 2014. № 7 (253). С. 51–58.
- [5] *Лихачев В., Азанов М.* Практический анализ современных механизмов государственно-частного партнерства в зарубежных странах, или Как реализовать ГЧП в России // *Государственно-частное партнерство в зарубежных странах*. М.: Издание Совета Федерации, 2009. С. 7–48.
- [6] *Варнавский В.Г., Клименко А.В., Королев В.А.* и др. *Государственно-частное партнерство: теория и практика*. М.: ВШЭ, 2010. 287 с.
- [7] *Гусева М.С., Пугачев Д.В.* Текущее состояние и тренды развития рынка проектов государственно-частного партнерства в РФ и Самарской области // *Региональное развитие: электронный научно-практический журнал*. 2017. № 3 (21). С. 6.
- [8] *Guidelines for Successful Public – Private Partnership*. 2003. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/guides/ppp_en.pdf. Дата обращения: 15.03.2020.
- [9] *Делмон Д.* *Государственно-частное партнерство в инфраструктуре: практическое руководство для органов государственной власти*. Астана: «Казахстанский центр государственно-частного партнерства», 2010. 154 с.
- [10] *Попельнюхов С.Н.* Управление рисками государственно-частного партнерства при реализации инвестиционно-строительных проектов // *Недвижимость: экономика, управление*. 2012. № 2. С. 72–78.
- [11] *Бондарь Т.В.* Вынужденное партнерство // *Политический журнал*. 2005. № 9. С. 13–16.
- [12] *Кублин И.М., Попкова Е.Г.* Проблемы маркетинга в рыночных отношениях // *Интернет-маркетинг*. 2009. Т. 5. № 9. С. 74.

Public-Private Partnership as an Effective Tool for Regional Marketing in Russia

A.B. Akhmetova, E.U. Kakoev

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. The article is focused on a regional marketing and the study of the role of public-private partnership instruments in terms of the development of the regional infrastructure of Russia. Improving the investment climate is the main condition for the success of the socio-political and economic development of the state. The authors analyzed the current economic conditions and the consequences of sanctions against Russia, as well as the dependence of the economy on foreign direct investment. The paper considers the economic situation of the regions of the Russian Federation under the conditions of sanctions by Western countries in the formation of import substitution. Particular attention is paid to the mechanisms and methods of economic policy of the central and regional authorities of Russia in the use of tools and methods of regional marketing on the example of public-private partnerships (PPP), which help to attract investment to the regions and to the country as a whole, allowing finding additional financing, improving the efficiency of public investments.

Keywords: regional marketing, territory management, public-private partnership, regional development, investment attractiveness, foreign direct investment, sanctions, investment attractiveness, import substitution

REFERENCES

- [1] Titov D. Prjamyje inostrannye investicii nemnogo ozhivilis' [Foreign Direct Investment Have Been Liven up a Bit]. *Jekonomika i zhizn'*. 2010; 22 (9788). URL: <https://www.eg-online.ru/article/400727/>. Accessed: 15.03.2020 (In Russ.).
- [2] Dubova Ju.I., Ermolina L.V. Perspektivy ispol'zovanija gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v marketinge territorij [Prospects of Using Public-Private Partnership in Territorial Marketing]. *Vestnik of Samara State University*. 2015; 8 (130): 49–54 (In Russ.).
- [3] *Federal'nyj zakon ot 5 marta 1999 g. № 46-FZ «O zashhite prav i zakonnyh interesov investorov na rynke cennyh bumag»* [Federal Law of March 5, 1999 No. 46-FL On the Protection of the Rights and Legal Interests of Investors in the Securities Market]. URL: <http://base.garant.ru/12114746/>. Accessed: 15.03.2020 (In Russ.).
- [4] Mataev T.M. Opredelenie i klassifikacija form gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Development of Public-Private Partnership in Russia: Peculiarities of the Term and the Forms]. *Russian Journal of Entrepreneurship*. 2014; 7 (253): 51–58 (In Russ.).
- [5] Lihachev V., Azanov M. *Prakticheskij analiz sovremennyh mehanizmov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v zarubezhnyh stranah, ili kak realizovat' GChP v Rossii*. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v zarubezhnyh stranah, ili kak realizovat' gchp v rossii [Practical Analysis of Modern Mechanisms of Public-Private Partnership in Foreign Countries, or How to Implement PPP in Russia. Public-private Partnership in Foreign Countries, or How to Implement PPP in Russia]. Moscow: Izdanie Soveta Federacii; 2009: 7–48 (In Russ.).

- [6] Varnavskij V.G., Klimenko A.V., Korolev V.A. et al *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: teorija i praktika* [Public-Private Partnership: Theory and Practice]. Moscow: HSE; 2010: 287 (In Russ.).
- [7] Guseva M.S., Pugachev D.V. Tekushhee sostojanie i trendy razvitija rynka proektov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v RF i Samarskoj oblasti [The Current State and Development Trends of the Market of Public-Private Partnership Projects in the Russian Federation and the Samara Region]. *Regional'noe razvitie: jelektronnyj nauchno-prakticheskij zhurnal*. 2017; 3 (21): 6 (In Russ.).
- [8] *Guidelines for Successful Public-Private Partnership*. 2003. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/guides/ppp_en.pdf. Accessed: 15.03.2020.
- [9] Delmon J. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v infrastrukture prakticheskoe rukovodstvo dlja organov gosudarstvennoj vlasti* [Public-Private Partnership Projects in Infrastructure]. Astana: “Kazhastanskij centr gosudarstvenno-chastnogo partnerstva”; 2010. 154 p. (In Russ.).
- [10] Popel'njuhov S.N. Upravlenie riskami gosudarstvenno-chastnogo partnerstva pri realizacii investicionno-stroitel'nyh proektov [Risk Management of Public-Private Partnerships for Investment and Construction Projects of Russian]. *Real Estate: Economics, Management*. 2012; 2: 72–78 (In Russ.).
- [11] Bondar' T.V. Vynuzhdennoe partnerstvo [Forced Partnership]. *Polit Journal*. 2005; 9: 13–16.
- [12] Kublin I.M., Popkova E.G. Problemy marketinga v rynochnyh otnoshenijah [Marketing Issues in Market Relations]. *Internet-marketing*. 2009; № 9 (5): 74 (In Russ.).

Информация об авторах:

Ахметова Алима Бахитжановна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0003-1094-4112) (e-mail: alima_akhmetova@hotmail.com).

Какоев Эльчен Усубович – студент 3 курса кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-1302-9334) (e-mail: dakar1997123@mail.ru).

Information about the authors:

Alima B. Akhmetova – PhD in Historical Science, Senior Lecturer of the Department of Public and Municipal Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-1094-4112) (e-mail: alima_akhmetova@hotmail.com).

Elchin U. Kakoev – 3th Year Student of the Department of Public and Municipal Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-1302-9334) (e-mail: dakar1997123@mail.ru).

Для цитирования:

Ахметова А.Б., Какоев Э.У. Государственно-частное партнерство как эффективный инструментальный региональный маркетинга // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 2. С. 109–117. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-2-109-117

For citation:

Akhmetova A.B., Kakoev E.U. Public-Private Partnership as an Effective Tool for Regional Marketing in Russia. *RUDN Journal of Public Administration*. 2020; 7 (2): 109–117. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-2-109-117

DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-2-118-123

Research article

The Phenomenon of Company Towns: Specific Features of Their Genesis and Development

M.A. Ulyanychev

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. The article analyzes the social phenomenon of single-industry towns (company towns), their role in the modern market economy, their genesis in Russia and other countries. The author observes historical stages of development of single-industry towns in Russia, as well as the features of their occurrence in the Soviet Union in connection with city-forming enterprises, which in addition to economic activities performed social functions. The characteristics of the development of single-industry towns in Europe, North America and are being compared. Distinctive features of the industrial enterprises of the cities formed in the Soviet Union are allocated. The article analyzes the problems of functioning and development of single-industry towns, examines foreign and domestic strategies for the rehabilitation of single-industry municipalities, including current measures to support such towns in the Russian Federation.

Keywords: single-industry towns, company towns, social development, urban development, management of social processes, state support of single-industry towns

Introduction

Company towns are the “inheritors” of the industrial era, which is reflected in their impact on the social and economic development of territories. Some experts believe that the creation of single-industry towns is a necessary element of economic development. Others suppose that single-industry towns don't meet the requirements of the modern market economy. They cannot meet the market's demand for new technologies, goods and services and that can harm the economy and social development of the country and its regions [1; 2; 3; 4; 5].

The problems of single-industry towns are the focus of research in various scientific disciplines e.g. sociology, economics, urban studies, statistics and many others. They explore the economic activities of the company towns, its territorial organization and demography of the area. The study of the structural components of the social and economic system of company towns show their close relationship and mutual dependence. Therefore, it seems that a systematic approach is a

© Ulyanychev M.A., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

methodological tool that allows a comprehensive study of the company town phenomenon. The essence of this approach is that the system is considered from the point of studying the internal relations of the elements with each other and external relations with the environment (including the historical aspect), as well as establishing causal relationships between the elements and their capability for organization and development.

The system analysis of a single-industry town is based on the principle of structural functionalism underlying the understanding of a company town as a system. This principle helps to consider the functional specialization of individual elements of the urban system, and their role in the integrity of the joint object. Thus, from the point of view of the system approach a company town as a social phenomenon is a complex of elements, as well as subsystems consisting of them, located within a limited area, where the overall integrity shows misbalance of its subsystems and elements.

A great example of “imbalance” of structural elements of the company town system is the industrial complex of Detroit in the United States. The city and its main enterprises fell into decay because of the energy crisis of the 70s. Companies’ owners had to bring production to other cities and even countries, as the development of business in this area turned to be not feasible economically. The population of Detroit lost stability, work, housing, wealthy residents left the city [6]. Mass media wrote that because of lack of economic stability and social institutions, the remaining inhabitants “quickly became illiterate and their level of social consciousness quickly decreased” [7].

Such processes should serve as a special signal for Russia, where city-forming enterprises are a significant part of the economy, and the population of single-industry towns is about 10% of the total population of the country. In this regard, it is necessary to analyze the genesis of single-industry towns, the causes of their formation, development and decline, as well as their specific problems.

Results

The rise of single-industry towns is associated with the entry of most countries in the world into the era of industrial society. Thus, the emergence of such towns in the US is associated with the development of industry in the North-East (Pittsburgh, Detroit), the creation of a large agricultural and industrial cluster in the West and the industrial agglomeration in the South, including such States as New Mexico, California and Texas. Single-industry towns in these areas have long been the drivers of the US economy. Canadian experience in the development of the Northern territories is associated with the emergence of single-industry towns in the provinces of Quebec, Ontario and Alberta. The program of development of the Northern territories took into account the potential unprofitability of these places without state support, which resulted in a major project for the creation, development and support of highly specialized cities, which involved only high-qualified specialists, as well as created research centers to study the potential of the developed territories. A striking example of a single-profile territory is also the

Ruhr valley in Germany. A distinctive feature of the Ruhr was the mass opening of universities to increase the potential for the development of obsolete enterprises. Later, the integration of science and production in the Ruhr valley grew into the opening of technology parks, which became the basis of economic and social prosperity of the region.

The genesis of single-industry towns in Russia deserves special attention. It should be noted that the development of such settlements took place in several historical stages. The first appearance of single-profile territories is associated with the creation of manufactories under tsar Peter the Great. At this time, the first factories-settlements began to be formed, which later developed into large industrial centers, such as Tula, Chelyabinsk, etc. The second stage is connected with the mass development of light industry, including the appearance of industries aimed at the development of “village crafts” in Gavrillov-Yam, Gus-Khrustalny, Gzhel. At the same time, the first mining settlements along the Trans-Siberian railway began to form. During Stalin's industrialization lots of single-industry towns appeared, having one or two industrial enterprises. Such cities include Magnitogorsk, Novokuznetsk, Vorkuta. A significant number of single-industry towns was formed during the war years after the evacuation of large enterprises from Central Russia. Post-war years are marked by a sharp increase in the number of closed single-industry towns. These include cities with the presence of enterprises of the military-industrial sector, nuclear industry and strategic military units.

At the same time, the development of the so-called science towns – single-industry towns based on research institutes. The first Russian science city was the Akademgorodok in Novosibirsk, followed by Zelenograd, Troitsk, Dubna and others. Scientific and production facilities of such cities produce high-tech products in demand on the international market.

A distinctive feature of single-industry towns in the Soviet Union was a close connection of these settlements with the city-forming enterprises, which implemented not only economic but also social functions. Enterprises provided workers with corporate housing, owned the departments of public utilities, health care and education, which increased the total cost of the product. This became a problem after the transition of the Russian economy to a market basis as the products of the city-forming enterprises became uncompetitive due to inflated prices. Such processes became the first problem of city-forming enterprises in the Russian Federation, which could not but lead to the rise of social and economic problems in the single-industry towns.

In the practice of the genesis of single-industry towns we can identify the main problems that are peculiar for these areas. First, there is an acute question of maintaining the dependence of single-industry towns on the city-forming enterprises, whose production is not ready to meet the needs of the market, which entails reduction of jobs, increase in unemployment, deterioration of social and economic conditions for the working population of a single-industry town. Dependence on city-forming enterprise also affects the backwardness and gradual obsolescence of the infrastructure of single-industry towns in the absence of support from the enterprise, which was a source of development of the territory in the conditions of the planned economy.

The second obvious problem of single-industry towns is the outflow of population to larger and more diversified cities. This is primarily due to the outflow of young personnel, who, not seeing the potential of employment in outdated city-forming enterprises, leave to apply their knowledge and skills in potentially more promising cities and regions. In this regard, there is a growing shortage of qualified personnel capable of both introducing innovative technologies in production and developing new ones considering regional peculiarities. The aging population of single-industry towns is often not able to fully meet the needs of modern development trends, pushing innovation, resisting attempts to diversify production. This problem largely hinders the economic development of single-industry towns.

This is proved by many company towns in Russia, where in contemporary realities it is necessary to take urgent measures for the rehabilitation of depressed single-industry municipalities. Two strategies can be applied as a solution to the problems mentioned above. The first, American, model provides the resettlement of non-working population of single-industry towns to those areas where there is a possibility of employment. Such model concerns the preservation of the town's functions, despite a significant decrease in size. The second strategy is European. It provides the integration of public and private programs for the development of territories and diversification of production of city-forming enterprises. These programs include the development of infrastructure of single-industry towns, the improvement of the environmental situation, re-educating of the unemployed population new professions, as well as support for small and medium-sized businesses.

Conclusion

The logical solution to the “problem of single-industry towns” in Russia is a large-scale state program to support local initiatives in company towns, as well as support for innovative projects to reload outdated city-forming enterprises for new production that meet market requirements.

It should be noted that the first steps in this direction are already being taken. Thus, within the framework of the program of support for single-industry municipalities, a set of measures for the social and economic development of this towns are being implemented. The first of these measures is the creation of the so-called territories of advanced social and economic development, which involve the use of a special legal regime of business activity throughout the company town, including preferential taxation, reduced rates of social fees, a simplified procedure for monitoring and supervision.

The second direction of state support is the creation of a mechanism to support investment projects implemented in the territory of single-industry towns based on project financing, which contributes to increase of lending to industrial enterprises on long-term and preferential terms. In this regard, support and assistance in the preparation and participation in the implementation of new investment projects in single-industry towns is also relevant. It is supposed to increase the investment attractiveness, attract qualified personnel and solve the problem of unemployment in single-industry towns.

At the present stage, more than 300 municipalities meet the criteria of a single-profile settlement in the Russian Federation [8], which causes high priorities in the implementation of support programs. Stable social and economic development of single-industry towns will depend on their effective application. It should also be taken in mind that any program can be considered successful only if all measures are taken to prevent economic and social crisis in single-industry towns, as well as the ability to overcome this crisis. In this case, single-industry towns will be able to provide financial stability for local residents, guarantee a stable growth of the economic potential of local enterprises, as well as become competitive players in both domestic and international markets.

REFERENCES

- [1] Ioffe G.V. Multi-structure Shift. *Provincial Business Magazine*. 2009; 10.
- [2] Lyubovny V.Ya. *Monoprofilnye goroda v usloviyah krizisa: sostoyanie, problemy, vozmozhnosti rehabilitatsii* [Single-industry Town in Crisis: Status, Challenges, Opportunities of Rehabilitation]. Moscow: ZAO «Dontransprint»; 2009. 110 p. (In Russ.).
- [3] Smorchkov V.I., Silvestrov S.N. *Razvitie monogorodov v Rossii* [The Development of Single-industry Towns of Russia]. Moscow: Financial University; 2013. 168 p. (In Russ.).
- [4] Vlasova N.D. Animitsa E.G. *Problemy i perspektivy razvitiya monogorodov v Rossii* [Problems and Prospects of Development of Single-industry Towns of Russia]. Ekaterinburg: Publishing House of Ural State Economic University; 2009: 28–29 (In Russ.).
- [5] Zhikharevich B.S. Universitet kak faktor lokal'nogo jekonomicheskogo razvitiya [University as a Factor of Local Economic Development]. *Education in the System of Social Coordinates*. 2014; 3: 42–46 (In Russ.).
- [6] Johnson R. Graphic: Detroit Then and Now. *Nationalpost.com*. 01.02.2013. URL: nationalpost.com/news/graphics/graphic-detroit-then-and-now. Accessed: 28.04.2019.
- [7] Detroit Is “Most Dangerous City in America” for Fourth Year in a Row, Forbes Report Says. *CBS News*. 22.10.2012. URL: cbsnews.com/news/detroit-is-most-dangerous-city-in-america-for-fourth-year-in-a-row-forbes-report-says/. Accessed: 28.04.2019.
- [8] *Resolution of the Government of the RF of July 29, 2014 No 709 “On the criteria for classifying municipalities as single-industry towns and categories of single-industry towns depending on the risks of deterioration of their socio-economic situation”*. Assembly of legislation of the RF; 04.08.2014; No 31: 4425 (In Russ.).

Научная статья

Феномен корпоративных городов: специфические особенности генезиса и развития

М.А. Ульянычев

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Аннотация. В статье анализируется социальный феномен моногородов (корпоративных городов), их роль в современной рыночной экономике, их генезис в России и других странах. Автор рассматривает исторические этапы развития моногородов в России, а также особенности их возникновения в Советском Союзе в связи с

градообразующими предприятиями, которые помимо хозяйственной деятельности выполняли социальные функции. В статье сравниваются особенности развития моногородов в Европе, Северной Америке и других странах. Выделены отличительные особенности промышленных предприятий моногородов, образовавшихся в СССР. В статье анализируются проблемы функционирования и развития моногородов, рассматриваются зарубежные и отечественные стратегии реабилитации моногородов, в том числе современные меры поддержки таких городов в Российской Федерации.

Ключевые слова: моногорода, корпоративные города, социальное развитие, градостроительство, управление социальными процессами, государственная поддержка моногородов

Информация об авторе:

Ульянычев Максим Александрович – аспирант кафедры социологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0003-0642-8094) (e-mail: maksim.ulyanychev@mail.ru).

Information about the author:

Maxim A. Ulyanychev – PhD Student of the Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-0642-8094) (e-mail: maksim.ulyanychev@mail.ru).

Для цитирования:

Ulyanychev M.A. The Phenomenon of Company Towns: Specific Features of Their Genesis and Development // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 2. С. 118–123. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-2-118-123

For citation:

Ulyanychev M.A. The Phenomenon of Company Towns: Specific Features of Their Genesis and Development. *RUDN Journal of Public Administration*. 2020; 7 (2): 118–123. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-2-118-123

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION

DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-2-124-134

Research article

Militia Counterinsurgency: Perspective on the Motivations of Civilian Joint Task Force Militia Participation in Northern Nigeria

M.L. Gana

Mai Idris Aloomo Polytechnic
Geidam str., 49, Yobe State, Nigeria

Abstract. Since the year 2013, Nigeria's northeastern region epicenter of the Boko Haram Islamist insurgency waging war for the establishment of an Islamic State has witnessed mass participation of people in a civil militia group. The militia group colloquially describing itself Civilian Joint Task Force (CJTF) was formed to combat the Boko Haram rebellion. Perhaps, the participation of the CJTF in the combating activities was reportedly influential in reducing the Boko Haram hostilities in most communities. Prior to the CJTF, the counterinsurgency approaches of the Nigerian governments' Special Joint Task Force and the Multinational Joint Task Force of the Member States of Lake Chad Basin Commission was faced with lackadaisical performances. Whereas the CJTF was reportedly successful, however, the interrupted participation of the people despite the attendant human and material cost has risen suspicion among the population and the critical literature about the groups' true motivation. This article, therefore, investigated the motivations of the CJTF in northeastern Nigeria. The study was conducted through a qualitative approach designed in a case study. The data was collected from thirteen informants from three groups – CJTF, Community Leaders and State/Local Government authorities. The technique of data collection is in-depth interviews and non-participant observation. The finding revealed personal incentive factors of monetary/material gains, and the futuristic interest of employability drives peoples' participation. To address the economic interests of the CJTF and as a panacea to prevent the manifestation of the security threats associated with the CJTF group, the study recommends for the establishment of charity centers to receive contributions from well to do citizens to ameliorate the economic needs of the participants. The government should also propound strong legal mechanisms to regulate the activities of the CJTF militia.

Keywords: militia, Civilian Joint Task Force, counterinsurgency, motivations

© Gana M.L., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Introduction

Since the year 2013, the northeastern region of Nigeria devastated by the insurgency rebellion of Boko Haram witnessed widespread participation of civil militia group colloquially Civilian Joint Task Force (CJTF) into the counterinsurgency operation. The militia was dubbed after the country's Special Joint Task Force (SJTF) and the Multinational Joint Task Force formed by the Member States of the Lake Chad Basin Commission comprising – Nigeria, Niger, Benin, Chad, and Cameroun. Although the process how the group mobilized has been a discourse of different scholars with some attributing to it to the courageous role of Baba Lawal Jafar of Hausari ward in Maiduguri [1; 2; 3; 4], others, however, claimed it as a surrogate force deliberately ignited by the state. In either case, growing pieces of evidence suggest that since the mobilization, the CJTF was pointed out successful in the combating operation; project of which was challenged of lackadaisical performance previously. In fact, there are inadequate official accounts revealing the nature of the groups' operation, however, the successes made by the group cannot be overestimated. For instance, one empirical comparative analysis of pre-CJTF and post-CJTF mobilization revealed that the participation of the CJTF militia has reduced the Boko Haram attack frequencies by nearly half. The mean attack rate before the CJTF is 11.83 and stood at 4.92 after the mobilization of the CJTF group [5].

The group was also instrumental in conquering many towns and villages occupied by the insurgent including Gwoza, the spiritual home of the insurgent. Besides the abating of attacks on the civilian population, the CJTF was also instrumental in abating numerous attacks targeted on Nigeria's security formations, including attacks launched on the notorious Giwa barrack in the city of Maiduguri. In fact, some analysts claimed that CJTF militia was virtually responsible for nearly 60% of the counterinsurgency mercenaries in the north [6]. Perhaps, despite the presence of heavy state security apparatus in the Nigeria northeast, which some conservative accounts estimated it to over 100,000 [7], there is a popular belief that the CJTF might be an alternative security option for the Nigeria government.

Perhaps, the extant literature largely attributed the successes of the CJTF to their sociocultural ties with the host population, combined with an in-depth knowledge of the terrain with all its attendants' forest, water creeks, and hills. The technical knowledge thus influences accesses to timely and credible intelligence about the insurgents' movements, hideouts, sponsors and collaborators. However, the purported successes of the CJTF are not without a price. To date, about 700 CJTF members were brutally murdered and hundreds of others were injured. The group has also provoked reprisal attacks by the insurgents targeting communities allegedly hosting the CJTF participants. However, these threat factors have not deterred the unprecedented participation of people in the militia. In fact, since 2013, the increasing participation of the people despite the attendant human and material cost rises suspicion that the militia was promoted with hidden motivations. The International Crisis Group described the CJTF as a time bomb; an explosion of which can further jeopardize the security atmosphere of the country [8].

Consequently, the increasing security concern and the undeterred participation of people have thus risen the need to investigate the motivations triggering participation in the CJTF. However, despite interest to know the motivations, existing studies have not adequately addressed this perspective. Evolving studies mostly focused on counterinsurgency successes of the CJTF [1; 9; 10; 5], and others on the security issues associated with the groups combating [1; 8]. This article thus aimed to investigate the motivations that incited the mass participation of people in the militia movement. The importance besides contributing to the scholarly literature, it will benefit policymakers toward addressing the militia problems in Nigeria and other countries facing similar militia movement. In addressing this issue, the article proceeds in five sections. The first section explains the methodology of the study, the second highlights an overview of the Boko Haram history, the third is an explanation of the CJTF, the fourth is the analysis/discussion of the motivations of the militia, whereas the fifth section is the conclusion and recommendations.

Methodology

This study was approached on a qualitative method. It is a case study design. The case study was conducted in Yobe State of northeastern Nigeria. The large presence of the militia in Yobe State and the inaccessibility of Borno State (the worst affected by the Boko Haram) limited the data collection. The research was conducted between the months of February 2018 and June 2019. The data was obtained from both primary and secondary sources. The primary sources comprised of an in-depth interview and non-participant observation. The interview was conducted with thirteen key informants from three groups – CJTF Participants, Community Leader and State/Local Government authorities in the study area. Interviews were conducted on face to face method that enabled uninterrupted interaction between the researcher and the informants. Interview data were supplemented with the on the site observation of events and behaviors of the participants, as well as interactions between the CJTF and other members of the community. The primary data was supported with existing information from secondary sources including but not limited to journal articles; bulletin, magazines and other publications from the government and international agencies.

The research was conducted in strict compliance with the ethical principles of qualitative research. For instance, prior to each interview, key informants were informed of the voluntariness of their participation, as well as the right to withdraw at any stage of their research. All interviews were conducted in designated places with the dates, times and venues mostly suggested by the informants. Interview data and observational notes and pictures were also kept confidential. Importantly, to avoid beneficently, informants' identities were replaced with three distinct pseudonyms – A, B and C to represent the CJTF Participants, community leaders and the State/Local Government authorities respectively. The credibility of this

study was guaranteed through a pilot study, extensive triangulation of data from different sources, member checks, expert reviews and peer debriefed of findings.

Genesis of Boko Haram

Accounts of the origin of Boko Haram are diverse and no consensus exists among both the critical academics and the members of the popular press. Some attributed the genesis to the period of the 1980s by linking it to the Maitatsine movement that ravaged most of the northern states of Nigeria [10; 11]. Some accounts attributed the origin to the period of the 1990s connecting it to the activities of the outlawed Muslim Brotherhoods northern Nigeria. Some commentators have also pointed the origin of the movement to the activities of some disgruntled youth that withdrew themselves to Kanamma; a border community in Yobe State to practice mundane life in 2002. The isolationist described themselves as the 'Nigeria Taliban' supposedly claiming affiliation to the murderous Taliban group in Afghanistan. However, to date, there is little scholarly evidence of tangible affiliation between the two movements.

Nevertheless, the popular account of the origin of Boko Haram was in 2009, especially when its leader started speaking against the government; western cultures; formal school and working for the government. In July 2009, its leader Mohammed Yusuf lead a team of indoctrinated youth to rebel against the state first in Maiduguri, a city of about 2million population. The rebellion subsequently escalated to other cities and towns of the country. The two days rebellion left many government establishments torched including a popular police college and prison building where the groups' arrestees are jailed. It was estimated that uprising and military aggression left nearly 1000 people murdered, the majority are of the groups' followers. Dead include Mohammed Yusuf, the spiritual leader of the movement, Buji Foi, and Baba Fugu; the earlier financiers of the movement.

Although the military crackdown forces the group to a year of silence, it, however, erupted more violently under Abubakar Shekau; the erstwhile deputy of the late Yusuf in 2012. There is no adequate account of where Boko Haram took refuge. Under Shekau the cruelty of Boko Haram increase featured in both attack frequencies and fatalities. In fact, besides the traditional tactics of the gruesome murder, kidnapping, and driving by shooting, the group adopted new tactics such as bombing making and an explosion, detonating vehicle-borne improvised devices as well as suicide bombings. As indicated by Olanrewaju [12], this category of armed violence crises is strange to Nigeria's security history. In addition to its domestic attacks, Boko Haram started targeting foreign establishments. On 26 August 2011, the terror group attacks the office building of the United Nations in Nigeria's capital city Abuja. The vehicle-borne attack left nearly 30 people killed with over 80 others wounded [13]. In his critical analysis of the Boko Haram attack frequencies, Azuma revealed that the insurgent is culpable for 31 attacks on Churches; 43 on Mosques and dozens basic social infrastructure since its resurgence in 2012. Since then, attack rates continued to proliferate in most of Nigeria's north despite the concerted responses by the government in combating operation.

Responses to Boko Haram by Nigeria government

Since the eruption of the Boko Haram uprising, the Nigerian government responded to the Boko Haram hostilities through a combination of political and military approaches. The political approach mostly focused on dialogue attempts and deradicalization campaigns including the countering of insurgent spiritual thought. However, whereas the political approaches formed a facet of the counterinsurgency campaign and in most instances executed simultaneously, to date, the dominant approach remained the military aggression. The military approach reflected on the ideas of the enemy-centric counterinsurgency school that promote the use of aggression targeting both the insurgents and host populations. The approach is in variance to the proposition of people-centered authors whose philosophy focused on winning the hearts and minds of the host population. According to Falode [7], the kinetic responses partly emanated from the perception that insurgent is national traitors and thus need a crush, and sympathizer be intimidated, while the population hosting them to maim to withdraw support for the insurgents. The kinetic approach of the government symptomized in 2009 when Umar Musa Yar'adua ordered a military crackdown on the insurgent when the insurgent embarked on the weeklong anti-government and anti-west uprising in Maiduguri [14]. The most popular account of military history is the mobilization of the Special Joint Task Force (SJTF), a combine security formation of the Nigerian army, navy, air force, police, customs, and other allied agencies. Accurate size of the SJTF is scarce, but anecdotal has estimated to be over 100,000 armed security personnel in Nigeria's northeast [7].

However, arising from the transnationalism of the group violence orchestrated on sporadic trans-border attacks, recruitments, training, and accesses to logistics and funding, the member states of the Lake Chad Basin Commission (Niger, Chad, Cameroon, and Cameroun), a sub-regional military 8700 squadron 'Multinational Joint Task Force' was formed to support the Nigeria combating efforts. The MNJTF reflected partly to functionalist thought that advocates for transnational cooperation in tackling modern security challenges around the world. Tar and Mustapha in particular summarized the Multinational Joint Task Force as a kind of security regionalism within the Lake Chad Basin Commission. Growing pieces of evidence suggest that despite its financial, logistics challenges, the MNJTF has proven successes especially appeared influential in conquering many towns along the shore of Lake Chad in Nigeria.

Paradoxically, for many observers, the prioritization of the military of military combat over the hearts and minds approach was culpable for the protraction of the insurgent hostilities. Sampson claimed that since its engagement, the SJTF remained anathema to the local communities in the northeast. The arbitrary and indiscriminate use of violence, widespread arrest, detention without trial and alleges disappearances of suspect undermined the support and confidence of the armies. In retrospect, it suppressed their access to credible and timely intelligence on the insurgents' movements, hideouts, and potential attacks. Allegations are enormous that grievance on the armies has forced many locals in the northeast to render support for the insurgent group. Therefore, arising from the persistent

ineffectiveness of government responses, a civil militia colloquially Civilian Joint Task Force ramped into the counterinsurgency campaign to outroot the insurgents.

Civilian joint task force

There is inadequate empirical account revealing the origin of the CJTF, its *modus operandi*, and its missions. In respect to the origin, most analysts attributed the philosophy to the courageous role of one Baba Lawal Jafar of the Hausari ward in Maiduguri [1; 10]. Lawal according to the source either killed, accosted or captured a Boko Haram fighter in Maiduguri using his bare hand. As presented by Hassan and Pieri [15], the courageous news of Lawal went viral thus fascinated even the most passive citizens to support the militia in combating the insurgent group. Thereafter, coupled with the local grievance toward the capabilities of State machinery of combating the insurgent, participants rushed to take the law into hands to combat the insurgent. In fact, within the shortest time, the philosophy of the CJTF spreads to other towns and states and in the northeast.

Consequently, at the earlier stage, participants mostly operate as neighborhoods watch. They only emerged upon the alarm of sighting the Boko Haram fighter in their area. Subsequently, challenged by increasing reprisal attacks by the Boko Haram, the participants started roadblocks to check on passer-by and thoroughly investigate unknown faces in the neighborhood. Other tactics subsequently adopted are patrolling streets, guarding markets, worship centers, and other vital social infrastructures. The caliber of weapons at the earlier stage was generally mundane such as sticks, cutlasses, and knives. However, impressed by the performance, the state authorities in the northeast offered numerous support including patrol vans, light rifles, and monetary incentives. The military under the aegis of SJTF also regimented the participants into commands and sector commands to ensure the coordination of their activities.

Perhaps, since its mobilization, credible shreds of evidence showed that mobilization of CJTF has drastically reduced the Boko Haram hostilities. In their comparative analysis of the pre-CJTF and post-CJTF mobilization attack frequencies, [5] revealed that the participation of the CJTF has significantly reduced the insurgent attacks by nearly half. The mean (M) and standard deviation (SD) of Boko Haram attack rates before the CJTF is stood at 11.83 and 4.926 respectively. However, between the years of 2013–2017 of the participation of the CJTF, the mean (M) and the standard (SD) dropped to 5.35 and 4.248 respectively. The militia id pointed out influential in conquering many towns and villages occupied by the insurgent such as Bama, Damboa, Gwoza, Chibok and Madagali in Borno and Adamawa States. There is populist believe that the successes of CJTF were triggered by a sense of shared purpose, operational urgency, mission focus, and cordial relationships as well as socio-cultural ties with the local population. [5] revealed that the active support of the civilian population increases the strategic and operational competence, intelligence gathering and on the target attacks thus minimized civilian casualties.

Consequently, even as the CJTF reportedly influential in combating Boko Haram, there is a growing fear that the group is capable of jeopardizing the security situation. International Crisis Group [16] described the CJTF is a time bomb, the explosion of which may challenge both formal authorities of the State. The reality of this often holds as militia when engaged in State function tends to appropriate power as well prolong the period of violence. Since 2013, there are accusations that some participants are using personal scores to victimized unsuspecting citizens. The diversionary motives of the CJTF participants' were further compounded by the undeterred participation of people despite the attendant cost of lives and injuries. Prevailing evidence shows nearly 700 members of the CJTF participants are brutally murdered. The number of wounded is countless. Yet, people continued to participate. In 2013 for instance, CJTF was estimated at 1000 members, but recently, the number is estimated at 15,000 [1]. Therefore, what triggers the participation of people has been adequately addressed. The following subsection explained the motivations of the CJTF.

The motivations of civilian joint task force participants

The empirical data revealed the incentives factor is the key driver of participation in the militia movement. The incentives for the participation as revealed by the informants are of two categories – pecuniary and non-pecuniary incentives. The pecuniary incentives relate to tangible material and monetary goods offered to participants either by the State, local authorities, community leaders and nongovernmental groups. The non-pecuniary incentive refers to a kind of incentives that relate to non-tangible goods such as expectations of employment and other futuristic rewards in anticipation.

In respect to the pecuniary incentives, the finding shows members of the CJTF receive a monthly stipend of about #50,000 (\$139) offered by the State at the end of each month. This payment according to the informants started accruing to the members one year after the mobilization of the group. Reflecting on this contention, informant A2 explained:

“Since 2015, we have started receiving an allowance of 50,000 through the state ministry. This is a very big amount if you compare to those working with the local government. In spite of their school certificates, many people I know are collecting 17,000 Naira as basic salary and others even less”.

Moreover, some informants indicated the opportunities for collecting food aids from both nongovernmental organizations behind their participation in the CJTF group. Explaining this perspective, informant A1 described:

“We are collecting food aids from NGOs [Nongovernmental Organizations] like COOPI, Action against Hunger and Red Cross. However, such types of aids are mean not only to us alone, but we are offering special consideration whenever they are distributing”.

Furthermore, observation during the fieldwork confirmed to the collection of aid services by members of the CJTF group. On several occasions, the researcher sighted participants' line up at aid collection centers of such organizations such as Cooperazone International, World Food Program, and the United Nations International Children, Education Fund (UNICEF) collecting food and other related aid. Although, finding revealed these aid services are not solely mean for the CJTF participants, however, the key informants revealed that by being in the militia, there are high chances of obtaining than in the normal private citizens. Informant A5 narrate in this perspective:

“There is a better chance of obtaining once you are in the CJTF than being a private. Before I participate in the CJTF, I rarely get a single chance, even in the event of three different distributions. Now, I am accessing in almost all distribution. Not just for myself, I am capable of enhancing means for others (informant A5)”.

Observation during the fieldwork also shows that the militias receive additional incentives for special services renders to the community, such as escorting traditional rulers, securing public gatherings such as marriages and burials. Although, while these services are not negotiable, but there is strong evidence that the continued accrual of such emolument has significantly contributed to participating in the CJTF group. This is particularly compelling for young people who are eager to escape poverty.

Consequently, closely related to the financial gain, finding shows the desire and aspiration of the participants to be offered formal employment equally instigates the participation. Informant A4 explained in this narrative:

“Although, we participated in the group as voluntary, however past experience that whenever people participate in this type of voluntary militia activities, government at the end of the day permanent the participants. Therefore, we believe that by being in the militia is a viable opportunity for the participant to get government employment”.

Informants C2 supported:

“Since rumor circulates that, the government is willing to permanent the CJTF in the post insurgent period, people rushed tremendously to participate in the group. Almost all able youth, men are now interested in involved in the group. Everybody is assuming that the CJTF is a key to the permanent government job in the state”.

Based on the above assertions, one may plausibly argue that the participation of people in the CJTF is linked to the skyrocketing unemployment in northeastern Nigeria. This assertion confirmed to some previous studies notably [11] and Bamidele [17] that show the relationship between staging poverty in northern Nigeria and the widespread militia actions in the region. In fact, according to Justina

population devastated by poverty can easily drive into violent conflict. Earlier work by Collier and Hoeffler [18] using a data of 45 different civil wars between 1960 and 2011 shows economic motivation as the most contributing factor for militia mobilization into violent conflict. In a period of wars Humphreys and Weinstein [19] shows people participate or cooperate with militia forces to ensure survival.

However, finding contrasts with numerous studies. In Northern Ireland, Cramer [20] documented that labor market discrimination rather than the aggregate levels of unemployment as the driving factor for the participation of paramilitary force. In his analysis of the motivations of militia participation in Sierra Leone, Keen [21] revealed unemployment is not the only motivation of recruits, but resentment due to class politics and social discrimination as a factor. Berman [22] claimed unemployment does not significantly explain the participation of pro-government militia in Iraq and the Philippines rather grievance of increasing threat and poor protections by the state.

Conclusion

Generally, this study revealed the personal motives of material gains are behind the participation of people in the CJTF militarism. The finding, therefore, challenges the popular and pre-existing thoughts of communal interest and national patriotism as the drivers for the participation. In retrospect, the finding corresponded to the opportunism factor in the participation of paramilitary force popularized by Weinstein [19]. In this context, the findings besides its relevance to the literature of paramilitary motivations, it has practical implications for policymakers and practitioners. It incredibly contributed to the knowledge of post-conflict peace-building and sustenance. Perhaps, considering the attendant security threats associated with the CJTF participants, understanding the motives of the militia should be helpful for promoting sustainable peace and stability. It is also an eye-opener for the State authorities to adopt strategies of addressing the needs of CJTF militias toward empowering the participants or terminating their operations. Therefore, as a guide for future policy options toward addressing the CJTF problems, the study offered the following recommendations.

1. There is an urgent need for government and organized groups to support the members of the CJTF in certain aspects of improving social welfares and emolument helpful for catering needs of the participants' including their immediate needs, the needs of their family members and the families of fallen heroes.

2. Since the main militia interest is monetary and materialistic, to prevent the possible threats, well-meaning citizens in the northeast and the rest of Nigeria should propound charity centers where donations to be raised to support the immediate and long-term needs of CJTF members. This approach should help suppress the abuses of extortions, thievery and other allege crimes perpetrated by the CJTF members.

3. Government should provide strong legal mechanism that must ensure CJTF operate in a manner that promotes stability. To be effective, the local, state and the federal governments of Nigeria should establish tight control mechanisms capable of preventing the militia from challenging the state autonomy.

REFERENCES

- [1] Bamidele O. Civilian Joint Task Force' (CJTF) – A Community Security Option: A Comprehensive and Proactive Strategy to Counter-Terrorism. *Journal for Deradicalization*. 2016; 7: 124–144.
- [2] Gana M.L., Samsu K. H., Ismail M.M Counterinsurgency Responses in Nigeria: Unveiling the Constraining Challenges. *International Journal of Arts, Humanities and Social Sciences*. 2018; 6 (3): 1–8.
- [3] Gana M.L., Samsu K.H., Ismail M.M. Population-Centric Counterinsurgency: The Conduit for Ending Boko Haram Insurgency in Nigeria's North. *European Journal of Behavioral Sciences*. 2018; 1 (4): 8–13.
- [4] Gana M.L., Samsu K.H., Ismail M.M. Civil Disobedience to Violent Extremism: Understanding Boko Haram in Nigeria. *International Journal of Research in Social Sciences*. 2019; 8 (1): 1–5.
- [5] Omenma J.T., Hendricks C.M. Counterterrorism in Africa: An Analysis of the Civilian Joint Task Force and Military Partnership in Nigeria. *Security Journal*. 2018; 31 (3): 764–794.
- [6] Hassan I. Counter Insurgency from Below, the Need for Local Grassroots Defenders in Curbing the Insurgency in North-East Nigeria. *West African Insight*. 2014; 4: 25–28.
- [7] Falode J.A. The Nature of Nigeria's Boko Haram War, 2010-2015: A Strategic Analysis. *Perspectives on Terrorism*. 2016; 10 (1): 41–52.
- [8] International Crisis Group. Nigeria: The Challenge of Military Reform, International Crisis Group. *Africa Report*. 2016; 239: 1–33.
- [9] Bamidele S. Between Terror and Religion: Paving Ways to Silencing Arms in the Northeastern Region of Nigeria. *Malaysian Journal of History, Politics & Strategic Studies*. 2017; 44 (1): 164–179.
- [10] Agbiboa D. Resistance to Boko Haram: Civilian Joint Task Forces in North-Eastern Nigeria Conflict Studies Quarterly. *Conflict Studies Quarterly*. 2015: Special Issue: 3–22.
- [11] Onuoha F.C. *Reports Boko Haram: Nigeria's Extremist Islamic Sect*. Al-Jazeera: Centre for Studies; 2012.
- [12] Olanrewaju F.O, Folarin O.M., Folarin S.F. Insurgency and National Security Challenges in Nigeria: An Introductory Analysis. *Ante Portas – Studia nad Bezpieczeństwem*. 2017; 2.9: 35–53.
- [13] Pham J.P. Boko Haram's Evolving Threat: Africa Security Brief. *A Publication of the Africa Center for Strategic Studies*. 2012; 20: 1–7.
- [14] Nwankpa M. Dialoguing and Negotiating with Terrorists: any Prospect for Boko Haram? *Behavioural Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2016. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/19434472.2016.1189445>
- [15] Hassan I., Pieri Z. The Rise and Risks of Nigeria's Civilian Joint Task Force: Implications for Post-Conflict Recovery in Northeastern Nigeria. *Boko Haram beyond the Headlines: Analyses of Africa's Enduring Insurgency*. West Point: Combating Terrorism Center of United States Military Academy; 2018.
- [16] International Crisis Group Double-edged Sword: Vigilantes in African Counter-Insurgencies. *Africa Report*. 2017; 251: 1–39.
- [17] Bamidele O. Beyond the Shadows of Terrorism: Boko Haram Crisis in North-Eastern Nigeria. *Conflict Studies Quarterly*. 2015; Special Issue: 41–57.
- [18] Collier P., Hoeffler A. Greed and Grievance in Civil War. *World Bank. Typescript*. 2001 URL: <http://econ.worldbank.org/programs/library>. Accessed: 06.03.2020.
- [19] Weinstein J. *Inside Rebellion: The Politics of Insurgent Violence*. Cambridge: CUP; 2006.
- [20] Cramer C. Unemployment and Participation in Violence. *World Development Report. Background Paper*. 2010. URL: <http://web.worldbank.org/archive/website01306/web/pdf/wdr%20background%20paper%20-%20cramer.pdf>. Accessed: 06.03.2020.
- [21] Keen D. *Conflict and Collusion in Sierra Leone*. Oxford: James Currey; 2005.
- [22] Berman E., Callen M., Joseph F., Jacob N.S. Do Working Men Rebel? Insurgency and Unemployment in Iraq and the Philippines. *Journal of Conflict Resolution*. 2011; 55 (4): 496–528.

Антиповстанческое ополчение: взгляд на мотивацию участников гражданского ополчения в Северной Нигерии

М.Л. Гана

Политехнический институт Май Идрис Алума
ул. Гейдам, 49, Штат Йобе, Нигерия

Аннотация. С 2013 года северо-восточный регион Нигерии, являющийся эпицентром восстания исламистской группировки Боко Харам, ведущей борьбу за создание исламского государства, продемонстрировал массовое участие людей в формировании гражданского ополчения. Для борьбы с восстанием Боко Харам была сформирована группа ополченцев, в разговорной речи называющая себя «Гражданская совместная целевая группа» (СЛТФ, ГСЦГ). Возможно, именно участие ГСЦГ в боевых действиях оказало влияние на сокращение военных действий «Боко харам» в большинстве общин Нигерии. До ГСЦГ подходы к борьбе с повстанцами Специальной совместной целевой группы правительств Нигерии и Многонациональной совместной целевой группы государств в бассейне озера Чад не получали позитивного отклика у населения. Однако в то время, как действия ГСЦГ были в целом успешны, несмотря на сопутствующие человеческие и материальные потери, некоторые действия повстанцев привели к росту подозрений среди населения об истинной мотивации группы. Поэтому в этой статье были исследованы мотивы ГСЦГ в северо-восточной Нигерии. Исследование проводилось с применением качественного метода, данные были получены от тринадцати информаторов из трех групп – ГСЦГ, лидеров сообществ, органов власти штатов и местных органов власти. Методика сбора данных – углубленные интервью и наблюдение за участниками. Полученные данные позволили выявить личностные факторы стимулирования людей к участию, основанные на денежной / материальной выгоде и интересе к будущему трудоустройству. Чтобы удовлетворить экономические интересы членов ГСЦГ, и в качестве универсального средства для предотвращения угроз безопасности, связанных с этой группой, в исследовании рекомендуется создать благотворительные центры для получения взносов от состоятельных граждан, чтобы улучшить экономическое положение участников группы. Правительство должно также разработать сильные правовые механизмы для регулирования деятельности ополченцев ГСЦГ.

Ключевые слова: Нигерия, ополчение, Гражданская совместная целевая группа, антиповстанческая борьба

Информация об авторе:

Gana Modu Lawan – кандидат политических наук, преподаватель кафедры государственного управления Политехнического института Май Идрис Алума (Нигерия) (ORCID ID: 0000-0002-8829-4356) (e-mail: gana.lawan@yahoo.com).

Information about the author:

Gana Modu Lawan – PhD, lecturer of the Department of Public Administration, Mai Idris Aloom Polytechnic (Nigeria) (ORCID ID: 000-0001-9217-1373) (e-mail: gana.lawan@yahoo.com).

Для цитирования:

Gana M.L. Militia Counterinsurgency: Perspective on the Motivations of Civilian Joint Task Force Militia Participation in Northern Nigeria // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 2. С. 124–134. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-2-124-134

For citation:

Gana M.L. Militia Counterinsurgency: Perspective on the Motivations of Civilian Joint Task Force Militia Participation in Northern Nigeria. RUDN Journal of Public Administration. 2020; 7 (2): 124–134. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-2-124-134

DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-2-135-140

Research article

Economic Factors Undermining National Security: Joint Defence Facility Pine Gap, Australia

M. Beck

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. The article analyses Joint Defence Facility Pine Gap in Australia that is used by the United States to control satellites and pinpoint airstrikes around the world. The Joint Facility rises political controversy in Australia (especially after Edward Snowden's revelations) as many doubt if it is in Australia's best interests to contribute data for drone assassinations and targeting US nuclear weapons. Considering Australia's policy towards Joint Defence Facility Pine Gap the author raises the question whether national security can be "outsourced" to save budget funds. The article concludes that in Australia it is noticeable that human intelligence potential in financial terms is less valued than some construction, manual jobs. Considering that Russia and China, which are in the focus of Pine Gap intelligence gathering do not outsource its national security and were more successful in preventing major information leaks, moreover in preventing major terrorist attacks on their soil, is indicating that national security should not be privatized.

Keywords: national security, Joint Defence Facility Pine Gap, Australia, Edward Snowden, defence budget

Introduction

Pine Gap is the commonly used name for an Australian Earth station approximately 18 kilometers south-west of the town Alice Springs, Northern Territory in the center of Australia. From the base, the United States controls satellites that gather information used to pinpoint airstrikes around the world and target nuclear weapons, among other military and intelligence tasks, according to experts and leaked National Security Agency documents [1; 2; 3]. Born at the height of the Cold War, Pine Gap was presented to the Australian public in 1966 as a space research facility. But behind the scenes, the station was run by the CIA to collect information from American spy satellites about the Soviet Union's missile program. In late 1966, a joint US-Australian treaty called for the creation of the "Joint Defence Space Research Facility" which purpose was initially referred to public as

© Beck M., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

“space research”. Operations started in 1970 when about 400 American families moved to Central Australia. Since 1988, it has been officially called the “Joint Defence Facility Pine Gap (JDFPG). Partly run by the US Central Intelligence Agency (CIA), US National Security Agency (NSA) and US National Reconnaissance Office (NRO), the station is the key contributor to the NSA’s global interception effort, which included the ECHELON program. A long term NSA employee at Pine Gap, David Rosenberg in his book, “Inside Pine Gap: The Spy who Came in from the Desert” from 2011, indicated that the chief of the facility at the time of his service was a CIA officer. The location is strategically significant because it controls United States spy satellites as they pass over one third of the globe which includes China, the Asian parts of Russia and the Middle East. Central Australia was chosen because it was to remote for spy ships passing in international waters to intercept the signal.

In 1999, with the Australian Government refusing to give details to Australian Senate committee on treaties, intelligence expert Professor Des Ball from the Australian National University was called to give an outline of Pine Gap. According to Professor Ball, since 9 December 1966 when Australian and United States governments signed the Pine Gap Treaty the facility had grown from the original two antennas to about eighteen in 1999. The number of staff had increased from around 400 in the early 1980s to 600 in early 1990’s and then to over 1000. The staff at Pine Gap was predominantly American until the 1980’s, when the two governments, responding in part to public pressure, made it about half Australian. Today, more than 800 people from both countries are believed to work at the base. But the United States is firmly in control. Since the end of the Cold War, the station has mainly been employed with intercepting and recording weapons and communications signals from countries in Asia, such as China and North Korea. The station was active in supporting the wars in Afghanistan and Iraq after the 9/11 attacks. Interesting fact is that the biggest expansion occurred after the end of the Cold War.

On 11 July 2013, documents revealed through former NSA contractor Edward Snowden, showed that Pine Gap, amongst three other locations in Australia and one in New Zealand, contributed to the NSA’s global collection of internet and telephone communications, which involves systems like XKEYCORE. According to other Snowden documents published in August 2017, Pine Gap, together with the NSA’s Menwith Hill base in England is used as a ground station and a command post for spy satellites on two different missions: Mission 7600 with 2 geosynchronous satellites which provide continuous coverage of majority of the Eurasian landmass and Africa, this initiative was later upgraded to Mission 8300 with 4 geosynchronous satellites which cover the former Soviet Union, China, South Asia, the Middle East, Eastern Europe and territories in the Atlantic Ocean [4; 5].

Professor Richard Tanter, a Senior Research Associate at the Nautilus Institute for Security and Sustainability and Honorary Professor, School of Social and Political Sciences, the University of Melbourne, he is also the Chair of Australian Board of the International Campaign for the Abolition of Nuclear Weapons (ICAN), which has been awarded the Nobel Peace Prize 2017, said he wanted the government to “make a very clearheaded assessment” of whether it is in Australia’s best interest to

contribute data for drone assassinations and targeting nuclear weapons. Other experts, however, said that hosting a base like Pine Gap helps maintain the country's alliance with the United States, and that other partners of the Americans carry considerably larger burdens. In that hindsight, Stephen Frühling, a professor at the Strategic and Defense Studies Centre of the Australian National University said that the Australians are “not doing a lot of things that our allies are doing”, including permanently hosting American nuclear weapons and soldiers.

Results

Investment in Australian and US human intelligence (HUMINT) capital was in decline in recent years which can be seen from various examples of security breaches. Some examples with disastrous consequences can be seen in the last decade such as in Iran and China. In 2009, Iran apparently infiltrated the communications network of CIA agents, used to exchange messages with informants. Following the Iran disaster in a two-year period starting from the 2010, Chinese officials began accurately identifying spies working for the US, an action which was the result of exact correlation of Iranian and Chinese cooperation and was a clear underestimation of the Chinese counterintelligence capabilities and general sloppiness of the CIA. The whole CIA spying operations in China were systematically dismantled by the Chinese government. Chinese killed or imprisoned 30 of the CIA sources in China. Another breach occurred in 2017, case of Joshua Schulte, a former CIA computer engineer has been indicted on charges he masterminded what appears to be the largest leak of classified information in the agency's history in March 2017. Schulte was the target of a major investigation into WikiLeaks' release of a CIA collection known as “Vault 7”.

In regards of intelligence activities, news reports, articles, media releases, government statements have one word in common, a “contractor”. In ever changing globalized world where “outsourcing” wiped out numerous jobs, and economically toppled the middle class in numerous western democracies, this economic term has political and security consequences. The key question is, can national security be “outsourced” and can governments save money because they hire outsourced contractors instead of trained and trusted professionals with strong sense of national pride? In comparison with key US adversaries such as Russia and China, it is important to mention that in latter two national security is more a national pride then just business, moreover they are much more successful in dealing with security treats than the security agencies in the US security specter, Australia included. The countries of Five Eyes intelligence agreement Australia, Canada, New Zealand, United Kingdom and the United States have vast and advanced capabilities in terms of signals intelligence (SIGINT) and geospatial intelligence (GEOINT), nevertheless it seems that most information leaks occurred due to the human intelligence (HUMINT). It's up for a debate if the salaries in the intelligence community are up to standards in comparison to other employment opportunities in the civil sector, moreover the usage of services provided by private companies to deal with sensitive materials and issues is even more interrogatory.

This brings us back to the primary issue of this analysis. US and Australian governments are spending vast sums of financial funds for military equipment, hardware, signals (SIGINT) and geospatial (GEOINT) intelligence, but there are constant debates about the salaries of personnel for instance of Australian Defence Force, which will be taken for account in this analysis do to the availability of information.

In Australia, it is noticeable that human intelligence potential in financial terms is less valued than some construction, manual jobs. According to the Australian Department of Defence and Australian Public Service (APS), a centralized Australian job sites engine, an annual salary of a Security Adviser at the Intelligence, Security and International Policy Division at Pine gap is between 58,009 and 62,135 AUD, salary figures in Australia are in gross amount. Department of Defence also has Intelligence Officer and Intelligence Analyst roles in the Army, Air Force and the Navy where intelligence and analyst roles salary start from 43,000 – 49,000 AUD and after full training go up to 70,000 – 75,000 AUD. Since the job structure in Australia in the last decade made a sharp shift from full time employment towards part time and casual employment a prospect of full-time employment with the Defence Force can have a good perspective at first sight. There are two major issues with this constellation.

First issue is the fact that Australia has a strong construction sector where some construction jobs for instance FIFO (fly in fly out) jobs are paying significantly more, where entry level salaries are around 80,000 – 100,000 AUD per annum, even some basic construction jobs in major cities would pay same or more then the Defence force and without any serious responsibility involved in comparison with sensitive national security issues and without any requirement for tertiary education degree. Intriguing part is that for some of these construction roles there is no requirement in regards of formal education, certification etc. For jobs like steel-fixing, usual requirement is just 2-3 years of experience and this job precondition is often not verified. Another financial issue is comparison of salaries in defence intelligence and civil intelligence agencies, where the higher salaries are being paid in the civil sector where the Defence force loses staff after providing expensive training to their personnel.

Second major issue with recruitment of defence intelligence personnel is the one of political nature. Australian Defence Force (ADF) was under scrutiny in recent years from human rights advocates and NGO's in regards of transparency, which led to the extremely impersonal recruitment process where a computer system in Canberra makes decisions without the possibility of recruitment officer giving his remarks in regards of physical, mental and educational base of each applicant. These measures has as a result in influx of many unsuitable applicants for certain roles and the fact that ADF loses probably many suitable candidates in the bureaucratic labyrinth of trying not to be accused of violation of human rights and political correctness, hence this can lead to lawsuits. Taking that in favor there is a constant public scrutiny about accepting cultural, sexual and national minorities in the ADF and in this case there is a constant probability that the political incentive prevails in the recruitment of the best candidate.

Conclusion

Considering that Russia and China, which are in the focus of Pine Gap intelligence gathering do not outsource its national security and were more successful in preventing major information leaks, moreover in preventing major terrorist attacks on their soil, is indicating that national security should not be privatized. Australian government is set to increase the annual defence budget with the 2020/2021 goal of two percent of GDP funding target, that is in real terms an increase from 35 billion AUD to 42,4 billion AUD per annum. Budget increase consist of many item's in terms of hardware and total increase of personnel, it is yet to be seen if the financial income of staff will be boosted and how much of these funds will receive officers dealing with sensitive material. Recent backlash in regard of mentioned cases regarding major leaks and counter-intelligence penetration should be taken in account for future allocation of financial resources, so the disastrous events like WikiLeaks, would be prevented. This can be achieved in bringing back the patriotic aspect in national security as well as assuring that the personnel dealing with sensitive information is not burdened with personal financial issues.

REFERENCES

- [1] Dent J. An American Spy Base Hidden in Australia's Outback. *The New York Times. Australia*. 23.11.2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/11/23/world/australia/pine-gap-spy-base-protests.html>. Accessed: 10.10.2019.
- [2] Rada J. Smart Defence: Joint Geospatial Support in NATO. *GeoScape*. 2019; 13 (2): 98–105. DOI: <https://doi.org/10.2478/geosc-2019-0009>
- [3] Pine Gap – an introduction. *Nautilus Institute for Security and Sustainability*. URL: <https://nautilus.org/publications/books/australian-forces-abroad/defence-facilities/pine-gap/pine-gap-intro/>. Accessed: 10.10.2019.
- [4] Paganini P. New Snowden Docs Reveal the NSA Spy Hub Pine Gap in Australia. *Security Affairs*. 21.08.2017. URL: <https://securityaffairs.co/wordpress/62202/intelligence/pine-gap-nsa-base.html>. Accessed: 10.10.2019.
- [5] Edward Snowden's New Leak: The Action of the Pine Gap Base. *SecNews*. 20.08.2017. URL: <https://en.secnews.gr/160303/edward-snowden-pine-gap/>. Accessed: 10.10.2019.

Научная статья

Экономические факторы, подрывающие национальную безопасность: пример Совместного оборонного комплекса Пайн-Гэп, Австралия

М. Бек

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Аннотация. В статье анализируется Совместный оборонный комплекс Пайн-Гэп в Австралии, который используется Соединенными Штатами для управления спутниками. Данный совместный военный объект вызывает политические споры в Австралии

(особенно после разоблачений Эдварда Сноудена), поскольку многие сомневаются, что в интересах Австралии предоставлять данные для атак беспилотников и наведения ядерного оружия США. Рассматривая политику Австралии в отношении базы Пайн-Гэп, автор поднимает вопрос о том, оправдано ли для экономии бюджетных средств переводить на аутсорсинг объекты, связанные с национальной безопасностью. В статье делается вывод о том, что из-за политики бюджетной экономии в Австралии интеллектуальная работа высококвалифицированного персонала комплекса в финансовом плане часто оплачивается значительно ниже, чем работа сотрудников фирм-подрядчиков: строителей и разнорабочих. В результате наблюдается снижение мотивации сотрудников объекта, что приводит к утечкам секретной информации. Автор высказывает опасения о перспективах приватизации и аутсорсинга объектов национальной безопасности или функций по их обслуживанию.

Ключевые слова: национальная безопасность, Совместный оборонный комплекс Пайн-Гэп, Австралия, Эдвард Сноуден, оборонный бюджет

Информация об авторе:

Beck Marko – аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-9441-2617) (e-mail: beck.marko@gmail.com).

Information about the author:

Beck Marko – PhD Student of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-9441-2617) (e-mail: beck.marko@gmail.com).

Для цитирования:

Beck M. Economic Factors Undermining National Security: Joint Defence Facility Pine Gap, Australia // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 2. С. 135–140. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-2-135-140

For citation:

Beck M. Economic Factors Undermining National Security: Joint Defence Facility Pine Gap, Australia. *RUDN Journal of Public Administration*. 2020; 7 (2): 135–140. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-2-135-140

DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-2-141-154

Research article

US-India Nexus & Chinese Appraisal: Triangular Exertions in Central & East Asia (Brief Description)

R.D. Nisar

Central China Normal University
152, Luoyu Road, Wuhan, Hubei, People's Republic of China, 430079

Abstract. Apart from the past ideological differences, distrust, divergence of the interests, US and India relationships has been transformed from the estrangement to partnership and at least into potent nexus with the awake of the twenty first century. Since the threshold of the century, Asia is the central part of the world politics where several regional and extra-regional actors are trying to secure their interests and want to maintain their hegemony. Apart from India, China and Japan, the US and Russia are the powerful players in the Asian political theatre. After the collapse of the USSR, India and China have emerged as strong regional powers and they are playing their imperative role in the Asian affairs. Fast growth of Chinese economics, arms modernization, advancement in the technology and its course of actions in Asian region and in the sea lane of transportation push the US leadership to reshape its security policies and choose new alliance by adoption of alliance making theory in the context of balance of power in the Asia to secure its position in the region and balance or counter rising threats. Besides this, due to Indian democratic values, rising power, strategical position near the Indian Ocean, nuclear potential and power to contain China, Delhi is perceived in Washington as a valuable ally. The 'India VS China' in the context of economic race, past rivalry, and border issues and 'The US VS China' indicate that the US takes India as a countervail power to balance China in Asian periphery and wants balance of power. According to Chinese political analysts, the aim behind the ongoing US-India juxtaposition is to counter the rising China. This article tries to answer the following questions: "What is the crucial factor behind the inauguration of current US-India Nexus and specially in East and Central Asia?", "What is the general perception of China regarding US-India nexus?", "And what is the course of actions of three powers in Central and East Asia to preserve their positions and interests in respective regions?".

Keywords: US-India Nexus, Chinese perception, US-India & China, Central & East Asia

Introduction

After the almost fifty years of estrange relations between two democracies India and the US, both countries decide to reshape their relations in the ending decade of 20th century from estrangement to engagement. Due to the divergence of

© Nisar R.D., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

the interests, different policies, ideological differences and the complex blocks system of the US and the USSR during Cold War, the relations between India and the US were not admirable. But, after the breakdown of USSR in 1991, the Indian democratic approach, rising economy, largest population and the Chinese rapid development in the context of modernization in technology, economic growth and its strong appearance as rising power in Asian affairs have changed the Asian strategic environment. The Indian strategic location near the Indian Ocean and growing power to balance the rising China brought close two democracies in contemporary era. Now, apart from the past divergence, the US and India has strategic nexus with mutual values, shared goals and aim to counter or balance China in Asia. Some analysts said that Rising China is the key element between the inauguration of development of the strategic relations between two countries with the awake of 21st century. The US Asian centric approach focuses to build up the alliance with India and others and counter rising revisionist power like China and past rival Russia [1]. The reason is that states watch their interests carefully and can sacrifice other interests whether they are friend or enemy. There is famous proverb to describe the diverse nature of international relations: “There is no permanent friend or permanent enemy in international relations, permanent is only interests. Today’s friend may be the enemy of tomorrow and today’s enemy may be the friend of tomorrow” [2]. Due to above mentioned statement; the rising China is crucial factor behind the inauguration of the new chapter of relationships between two democracies with the threshold of contemporary century. The current US primary interests in Asia are to promote peace as well as stability and creating balance of power in region and prevent region from dominated by any power as well as group of powers. In the perspective of balance of power, the realistic analysts believe that China’s rise will recorder regional politics and Europe will exit in Asia [3]. Therefore, the US as well as the New Delhi leaderships take China as threat to peace and stability in Asian region and want Balance of power in Asia. According to some political pundits, the US high headships takes China as like the USSR in Cold War era and declare the Rising China foremost threat to balance of power in Asia. There are many reliable and credible strategies to counter or balance the threat and most authentic are internal balancing and alliance making theory in the context of balance of power. The internal balancing strategy in balance of power is to build up arms which could also be adopted by threatened states against the rival rising powers to balance it with countervailing capabilities. Reaching military alliances, procurement from outside sources and building up arms through internal production is the key means by which states balance one another. After adopt self-reliance balancing strategy, the threatened states build up their weapon and obtain countervailing capabilities and counter their external threat as well as balance the rising powers which can threat to their national security [4].

In internal balancing strategy, states use to balance each other by building up arms itself or by using internal production. To secure national integrity, the two nuclear rival states of South Asia region Pakistan and India are trying to adopt internal balancing as a first strategy, but with partial resources, lack of technology, forced the both states to depend on exterior factors to improve and secure their

selves. For example, China adopted the internal balancing and it would be successful due to large size of territory, population, military modernization, new technology, rising economy, nuclear capabilities and can become great threat to other powers including weak or super powers, and securing its national security, dignity, solidarity without depending on external powers. The other strategy in balance of power to create balance in two states is alliance making theory. In which the powerful state make alliance with weak state to make equilibrium between two rival states. For example, since independence, the newly born state of Pakistan was suffered its security threat from India and curb this threat Pakistan was joined the US bloc signing SEATO, CENTO which was sponsored by the US and now the India again join the US bloc against mighty China. As a superpower, the US is adopted alliance makes theory to create balance of power in Asia [4]. Because the rival of the US during the Cold War; Russia has great influence in Asia and China is the upcoming most listed threat for the US hegemony in the world and Asia as well. Another rising Asian power, the democratic India got top priority in the US policy after 50 years and showed its effective participation in Asian affairs after becoming a natural ally or reliable partner of the US. In the military powers rivalry and changing security environment in Asia, the US has focused on alliance making to secure its interests [5]. The challenges include insecurity, instability and inequality in Asia which include nuclear dilemma of North Korea, rising China and Russia and nuclear race in South Asia. The US-Japan alliance may remain as the foundation stone for American engagement in Asia-Pacific. With the Taiwan, the US also enhanced its bilateral ties and secured its position in region. The US desires to maintain its unipolarity and hegemony all over the world especially in Asian nodes South Asia, central Asia, South East Asia and East Asia and counter its pose threats through alliance making strategy. With the Chinese rapid economic growth and expansion of its armed forces, it becomes a biggest problem for the US and the American policy makers are entirely worrying that How we stop Beijing from its growing expansion and influence in Asian region. According to the US, China might at some point in the coming decades follow the course of Germany in the 1890s, 1900s and 1930s, or of Japan in the 1910s and 1930s. With these worries, the US shakes hand with India due to its economic, nuclear as well as power to contain China and its strategic connection with vast Indian Ocean [6]. The former secretary of state James Baker once said, “Since 19th century, the basic principle of the US national security was to prevent Asia from dominated by any power or group of powers which challenging the US hegemonic position in Asia. Japan was defeated by the US in 1945, and to hedge China today are both the US course of actions which based on the policy of Great Britain in 19th century, if the US wants to play like British empire did, the US would need to trap other regional powers like Japan, Australia, Russia and India against rising China. Huntington argues that it is possible for the US to contain China, if other Asian powers would really like to balance China in this century [7]. The very numbers of US realists reject the Chinese claim of peaceful rise and they argue that Chinese course of actions, ideologies in every perspective are a threat to American global primacy. According to John Mearsheimer, a very famous American international relations theorist and

the creator of offensive realism that the ongoing US-India strategic nexus aims to counter Chinese rise and he believes that it is impossible for China to rise peacefully. He also argues that the main aim behind the US relations with India and other Asian powers is to stop the increasing Chinese appearance in Asia. He said China is making effort to push the US out of the Asia-pacific and Chinese leadership is likely to imitate the US and attempt to become a regional power [8]. Mr. Brad Glosserman, the executive director of CSIS argues that China is seeking to replace the US as the dominant power in Asia [9]. The director of the centre on Chinese strategy at the Hudson institute Mr. Michael Pillsbury argues that China is in the process of executing a secret century-long strategy to replace the US at the dominant global hegemon by the year 2049 and the other side US is trying by leaps and bounds to counter this upcoming threat China to its hegemony by making alliance and partnerships with the native Asian countries and the India is top listed country [10]. The editor of National security columnist and the reporter for the Washington times Bill Getz claims that the China is the most serious national security threat the United States faces at present and will remain so into the foreseeable future [11]. Aeron Friedberg claims that China wants regional hegemony and embellishes the crown of Asian regional power, but the US and its potential ally India don't want this scenario. The US has threats regarding the upcoming partnership between the Eurasian powers e.g. Russia-Sino, Sino-India, Russia-Sino-Japan-India etc. Therefore, the US takes India as a natural ally as well as other Asian states to hedge rising China and secure its interest in Asia. In addition, in Indian perspective, Indian followed two dimensions to get its strategic interests, first protect its security and economic as well as energy interests in the region and move beyond the boundaries of South Asia and in the rest of Asia. Besides these ambitions, according to Indian political pundits, China is the biggest challenge to Indian national safety and Indian interests in the region and on the platform of US-India nexus, India will get chance to balance China. According to the Indian foreign secretary named Shyam Saran "China is upsetting the balance of power in Asia and is threat to the peace of the region and India and the US can do their best to counter rising China. According to Indian high officials, New Delhi will be a regional power with the help of this strong nexus with the US and the transfer of the US advance technology, military hardware to India. As a result, India will become one of the great powers of world with the coming decades in the context of Indo-US economic and security nexus" [12]. India shows its efficiency as a balancer in the US alliance making theory strategy, because India wants to get full fledged protection from the US to its security and access to energy resources to rest of the Asia. The ongoing nexus and cooperation of India-US, India-US-Japan, US-South Korea, and India-US-Russia and Indo-US-Israel have significant implications for China and the main theme of these all nexus is that the US wants to maintain its hegemony and unipolarity status in the world, securing its interests in Asia region, and counter its pose future threats like Russia, China, and North Korea. The very most important fact that the India has very significant strategic location which is very near to Indian Ocean and sea lanes of communication, which push the US leadership to reshape its relations with India from estrangement to

partnership [13]. The US ideologies of exceptionalism, Paternalism, hegemonism and the Indian dream to get crown of the Regional power are also playing as crucial factors behind the formation of new episode of US-India relations. The US success in World War I, World War II, Cold War and inauguration of the liberal world order after the decline of the USSR describe that the US is the exceptional power and according to the Americans, in world, no state has power to challenge the US exceptionalism [14]. The US exceptionalism means that the US is unique, powerful country in the world. The US approach of exceptionalism defines one more concept of Paternalism. Its means that the US is the most powerful country of the world and all the countries of the world need the US help and guidance and without the US, even their survivals are very complicated [15]. Therefore, with the help of these two concepts, the US gives American hegemonism notion and the US not ready to face any decline of its hegemony in the world particularly in Asia. In the 21st century, the world system or structure is not like the structure of past, where two powers the US and the USSR was fighting against each other. Now, there are multipolar world system and the US feel threat from the rising powers. Maybe, in coming future they challenge the US power. Therefore, the US elites plan to establish partnership especially with Asian powers to restore its power in Asian region. The policies of the US leadership from Nixon to current leadership are same to make the US world superpower and hold the US hegemony in the world [16]. Besides this, the Indian dream to get UNSC permanent seat, military modernization, Asian NATO, the Pakistan factor, Pakistan-China nexus, Central Asia energy resources and the rising China are the fact which cannot be underestimated while discuss the US-India nexus. On the platform of this Nexus India wants to secure its interests and make its regional primacy and the US is best option in the hand of the Indian policy makers. In addition, India signed military treaties with US as GSOMIA (2002), LEMOA (2016), COMCASA (2018) and further the Quadrilateral Security Dialogue (QUAD) enhance Indian regional policeman gestures and aimed to counter rising China or Russian re-emergence in Asian region [17].

US-India Nexus and Chinese Views

Since the day of inauguration, China directly inspects the US-India nexus when the leaders of the two nations signed agreement of 5 July 2005 and examined the past policies of the US leadership, especially Clinton towards India. More significantly, Beijing perceives this nexus as an attempt by both democracies to enlist New Delhi as a potential counterweight adjacent to China. From the beginning of the G. Bush administration, the US takes India as a major political player, emerging economy, its vital role in Asian stability, and has power to balance China in Asian region [18]. Chinese academics firmly believe that the ongoing potent US-India engagement in Asia is a part of the US policy of “dodge” to encircle “the mighty China” in future. The joint military exercises, naval exercises, defense conferences, strategic collaboration among two countries and shift of military weapons and defense technology to India are aimed to balance China’s growing power in Asia. The US military hardware’s PC Orion maritime reconnaissance

aircraft and Aegis radar system to India have a China-specific focus [19]. Furthermore, Beijing viewed US-India nexus as part of the US global strategic calculation to enlist India to poise against rising China. China's official media stated about the US military connections with India that "US dreams of Asian NATO". According to the US president Bush at Bucharest NATO summit "now NATO would send its forces across the world for future of freedom and peace of millions". It clearly means that Asian NATO has framed new alliance and Russia and China are its rivals. According to the US policy makers, India has an important strategic position connecting the Indian Ocean and the Pacific Ocean and with the help of their nexus, the US will expand its strategic presence in South Asia and offset the Russian and Chinese strategic position in the region. Chinese leadership said that, the US basic function of closer ties with India and an Asian version of NATO is to expand its hegemony in Asia and securing its interest [7]. In the context of burgeoning US-India nexus, the US maintain as well as make bigger its hegemony and wants to play decisive role in the Asian region and in South Asia predominantly. Liu Jianfei said that "since the twenty century, the main theme of the US strategy in the context of worldwide to maintain its hegemony and counter its enemies or counter China". Beijing believes that China is the only country with rapid economic growth and its defensive capabilities challenged the US global leadership in the Asia and will make a probable competitor in future after the breakdown of USSR [20]. In addition, the US takes China as a future competitor and adopted containment strategies to curtail China in Asian region and sea lanes of communication. In the term of balance of power, Chinese officials accept as true that the US-India nexus would bring a major shift in South Asia and Indian Ocean Region. According to A. Mahan, a great naval analyst, "Whoever controls the Indian Ocean dominates Asia" [21]. With the awake of twenty first century, the destiny of the world will be decided in these waters. Due to Indian preeminent dominant power in the Indian Ocean region, the ongoing US Navy's dominance of the high seas and maritime lanes as well as joint Indo-US military exercise in maritime lanes aim to counter Chinese expanding power in Indian Ocean which give red signal to China. In the case of Indian Ocean, prominent Chinese strategists believe and the editorial in *Ming Pao* describe that "the US wants to enhance as well as maintain its supremacy in Indian Ocean with its alliance India and Japan with India-US-Japan nexus. On January 29, 2002, the US president Bush enlisted China the top of its rival across the Taiwan straits and in Asia. After the Bush, the leadership of the US, Obama is more friendly and cooperative towards China, observed by political analysts. But this observation is rejected by Evan Feigenbaum, an officer in the Bush administration, who wrote in an article of Foreign Affairs, according to many political experts, the subject of the US policy to secure its hegemony in Asia and counter the rising threats. Mr. Chung Young-June, a Chinese scholar at China foreign affairs university says that the main theme of the US all policies and strategies is "Preserving and maintaining its world leadership position". The professor in the centre for American studies at Fudan University follows the ideas of Young-June and he asserts that the American primacy strategy is focused on "leadership" and "dominance" a dangerous form of hegemony. United

States of America will do everything to preserve its power and influence and that the US is containing a peacefully rising China because it fears decline [22]. Many Chinese scholars argues that the US is an offensive and hostile power and the ongoing strategic nexus with India aim to watch Cleary the Chinese actions and navel exercises in Indian Ocean. The Chinese admiral once said that the American navy is like a man with a criminal record wandering just outside the gate of a family home. Lu Yin, an associate research professor writes an article “Building a new China-US strategic stability”. In this article he argues that the US is afraid to lose its breaking down uni-polar system. The US wants its power by any means in Asia [23].

Central Asia

China is emerging as the dominant actor in Central Asia and shares its border with three states, while India and the US also want to create strong presence in the region for energy, trade, and to decrease the influence of China. Thereby, the US-India nexus will have far-reaching implications for Chinese interest in the Central Asia. After the collapse of USSR, Central Asian states; Uzbekistan, Turkmenistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and, Tajikistan became independent. The region being rich in energy resources and has attracted global actors, made it more important for China strategic, security, political, and economic interests. In addition, US-India nexus directly and indirectly hit the Chinese interests in Central Asia. India is determined to treat CA as “extended neighbour” and want to get access to rich energy resources. About 13 to 15 billion barrels of oil deposits and 270 to 360 trillion gas deposits have been confirmed in region. Additional to that the actual deposits of oil are 40 to 140 billion barrels. Kazakhstan, Turkmenistan and Uzbekistan are the main natural resources e.g Natural gas and natural oil deposits of the Caspian Sea. All major and regional powers the US, Russia, China and India are trying to get full energy access to boost their energy sector as well as trying to capture the oil and gas resources of region after making good relations with Central Asian states. According to strategic analyst “new great game” is telling to face on strategic competition for transit route. The countries like the US, India, UE, Russia, China, and Pakistan have desire to build huge pipeline to get access to enormous oil and gas resources. Against the Russian transport monopoly, the US and EU transport route towards west through Azerbaijan, Georgia, turkey as well as China is developing pipeline towards the east and India-Pakistan both states desire to get hydrocarbon resources to draw them southwards. So pipeline politics has led to rivalries in region for influence. The strategic competition among the major power global players, the US, China, Russia and India has intensified in the last few years [24]. The US grew its influence in Central Asia after Cold War and after 9/11 incident. The main objective was only to spoil Russian military doctrine of “Near Abroad” and counter its future threat of expanding China in Central Asia. After the terrorist attack of 9/11, the war on terror provided opportunity to the US to strengthen military appearance in Central Asia thus it built air bases in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan and Tajikistan. The “regional energy grid” idea is supported by the US to transport gas and electricity from Central Asia to South Asia

and World Bank, International Monetary Fund (IMF) are offering funds for this project. In addition, India and the US shares interests in counter terrorism in region it means that the US wants to cooperate with India in Central Asia region to secure their interests and access to natural resources of the region. According to Indian scholar Gulshan said that “In the coming future, India will balance its rising threat China in Central Asia”. Indian policy makers believe that region is important for India because its strategic location and Tajikistan is only 20 kilometres away from great Kashmir and developing close relations with Central Asia. India approved \$ 5 billion to participate in TAPI gas pipeline. India has extended its military contacts with Central Asia and setup military base in Tajikistan and its first Indian military setup in foreign land to secure its energy interest in Central Asia. Defence minister of India stated that India made an immediate plan to deploy MI-17 helicopter in Central Asia and trains Tajik pilots. The establishment of air base gave India an opportunity to increase its influence in region and counter China completely. China is closely watching the activities which are above mentioned and carried by the US and India very sharply and to counter to their anti-Chinese policies in the Central Asia, it developed close bilateral relations with CARs in the field of politics, economic, and strategic. China invests in oil and gas industry and energy supplies through pipeline [24]. The Kazaks have also built an oil pipeline that links Kekiyak in Kazakhstan to Xinjiang province in China. The organization Shanghai Cooperation Organization (SCO) grew out of Shanghai five that was formed in 1996. SCO was set up with major six countries China, Russia, and four Central Asian states Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan in 2001. Basically, the organization was aimed to build security, trade, military, political cooperation among member states. China shares 14,799 km border lines with SCO member’s states. It started from functional issue like demarcation of Sino-Russian border. SCO has focused on close economic relations among member states; it means to facilitate free flow of commodities, technology in the region externally but internally decrease the influence of India and the US from the region. SCO focused on fighting against terrorism, extremism, for regional peace, stability and prosperity. China is participating in anti-terrorism military exercise among the SCO members [24]. In 2004, SCO was established Regional Anti-Terrorism Structures (RATS) to coordinate SCO members and the “Peace mission 2007” was held by SCO. Chinese ambassador in Russia said that “SCO aims to cooperate among member states, we have no aim to build a military bloc with security, mutual trust, benefit, and equality would be advocated by SCO in future.” According to the US senior officials, the SCO is the club of Central Asian states which is founded and lead by China to aim to get its interests as well as access to natural resources in the region and its periphery. In addition, to counter Indian “Look East Policy” and the US policies and activities in the region after making the Central Asian states its strategic and economic partners. The US perceives that SCO plays directly and hit its interests in region, because the US is not member of SCO and decrease the influence of Indo-US nexus in Central Asia. The Chinese General Liu Yazhou of China’s People’s Liberation Army said that “Central Asia is the thickest piece of cake given to the modern Chinese by the heavens”. The success behind the Chinese

ongoing OBOR initiative policy and new Silk Road Plan need regional powers alignments and cooperation. Geopolitics is be like a chess game of many different levels and it's not easy to win but with clever grand visions and course of actions. The major and regional powers the US, Russia, China and India are trying their best to increase their influence in this region [25].

East Asia

East Asia including South East Asia is also another important strategic and economic periphery region for China. East Asia is union of South East Asia and North East Asia. In the context of Chinese energy security, maritime security, economic and trade development region is very important. China is a big power in East Asia and promotes regional peace, prosperity and stability. The region holds very important position in the global and regional interests of the US. China has very significant economic, political and strategic interests in the region which are associated with the 1990s China's "new security concept" [13]. Mr. Wu Baiyi, the China Foundation for International and Strategic Studies, said that "compared to past policies, the concept signifies two major changes... For the first time, economic security is treated as equally important with those of 'high politics.'" Second, it "focuses more on the interrelationship between external and internal security in the region" [26]. Against this broad perspective, China attaches great importance to its economic interests in the region as it considers itself a regional economic power. The main challenge for China is to convince the regional countries that "China is an economic opportunity for them and not a threat... the worst case for China is that ASEAN members extend their fears of Chinese economic growth to an all-round apprehension of China [27]. To pursue this interest China wants to present itself as the biggest market, and source of investment to make China the engine of economic growth in the region. China has strong strategic interests in the region which has heavy concentration of major powers, including the US, Japan, Russia, India and China itself. The "primary aim of the Chinese regional security is thus to avoid the formation of coalition of regional countries against the rise of China. Within this context China attaches great significance to the small and medium powers such as the two Koreas in Northeast Asia and ASEAN members in South-East Asia for Chinese security environment. Politically, China wants to increase its clout in the region. It desires recognition and appreciation as a regional power. A Chinese analyst, Zhang Tiejun, observes: The best way to achieve so is thus to promote China's image as a responsible regional power" [28]. In the context of US-India nexus both countries have economic and strategic interests in the East Asian region. The US deputy secretary of state John D. Negroponte was talking on the US Policy in Asia: Meeting Opportunities and Challenges, at Brookings Institution on 28 July 2008, noted that to meet the opportunities and challenges posed by "Asia's extra-ordinary rise", US was shaping its policy. He argued that the US is basically pacific power and want a Balance of power in region. Further he said that "our alliance with Japan, South Korea, Australia, Philippines, Thailand and India remain the foundation of peace and security in Asia and the US modernize its alliance in

North East Asia for the realities of 21st century”. The US also has strengthened cooperation with South Korea for regional peace in Asia. In addition, the US had reached out to new friends in South East Asia like Indonesia and Vietnam. The US had entered into a strategic nexus with India that is against the broader perspective and relationship between the US and India has a lot of impact on Chinese interests in the region. The US and India, both countries have common interests in East Asia region [1]. The US is the dominant power in Asia pacific region and India pursuing its “look East” policy, which was framed in 1990, makes India more careful about its interest in region. The “Look east” policy of India is also a sign of its desire for status of global power which will be possible only to build its close political and economic relations with the US. India is soft ally of the US in its counter terrorism in region as well as maritime security, especially the safety of Malacca Straits and increases its oil imports through straits. According to China, this counter terrorism and maritime security is the part of “East Look” policy to decrease Chinese influence in East Asia region and further control Indian Ocean. The maritime cooperation between India and Japan is to counter growing China maritime clouds in Asia. According to Indian Navy, Chinese “String of pearls” strategy enhances its military profile in Indian Ocean. According to Indian Naval chief Arun Prakash, “India is in the middle of Indian Ocean and that is where China has implemented its “Strings of pearl” strategy. China will implement its strategy around us as “weapon client states” like Bangladesh, Myanmar, Sri Lanka, Saudi Arabia, Iran and Pakistan. Furthermore, the US has same perceptions about China naval strategy. In addition, India wants to deploy its force around the straits of Malacca in Bay of Bengal. India has naval command has 50 naval ships, 55 aircraft carriers, submarine, naval sea fighters and helicopters. It means that Indo-US nexus would encourage competition between China and India in straits of Malacca and region. To explain the Chinese “new security concept”, famous Chinese analyst Wu Baiji said that “compared to past policies, the current concept is based on two shapes, economic security and interrelationship between external and internal security [29]. To follow this concept, China wants to present itself as biggest market and attract investors for investment. The basic aim of China regional security is to avoid the formation of alliance of regional counter against China. China dependence on ship borne energy supplies are growing thereby straits are gaining importance in its energy security. At present, China’s 69% oil is transported through strategic sea lanes. Though the safely of straits narrow stretches of waterway between Malaysia and Indonesian island of Sumatra become very important for China. Malacca straits are observed by Chinese scholars that safety of Sea Lanes of communication (SLOC) may trigger maritime conflicts. While safety of Malacca straits is in the interest of all major powers. An exclusively control of security by the US and its alliances such as Japan, India, Australia and Indonesia would not be desirable for China. Moreover, the possibility of war of Taiwan Strait would be fought between China and the US. The US navy has the naval base in Indian Ocean and 80% Chinese oil tankers go through this dangerous line under 100% the US control [29]. Due to this Beijing forced itself to frame lane base energy transportation routes. The Andaman Sea, US-Australia-Japan-India did war game which raised eyebrows

in Beijing. After 9/11, the US framed its new alliance such as Japan, South Korea, Indonesia, Philippines and but bad turn have taken place in Sino-Japan relations. The other maritime issues like terrorism, human trafficking on Malacca straits would be common interests where China would not feel threat. The small states like Malaysia and Indonesia are not willing to increase the US and Indian influence in Straits of Malacca and region. They prefer China because China has cooperative security strategy and also member of ASEAN and ARF. China increases its economic relations with ASEAN countries and provides them a big market and enhances its range in region. In this context, sea lanes security is added in Chinese maritime strategy [13].

Conclusion

US-India nexus is a part of reshaping of the US Asian policy from Bush Doctrine to Indo-Pacific which geared to protect the US interests in 21st century. The ongoing US-Indian juxtaposition has great global implications for China, especially in terms of relations with the US and Russia. Some countries perceive this nexus best for peace of world that two democracies joined hand with gorgeous responsibilities like non-proliferation, counter-terrorism, peace and stability, and economic sphere. Other hands, some countries believe that the this nexus is pictogram of instability in Asia, because the transfer of the US advanced technology in the context of military, nuclear and defence to India make it able to play its crucial role in Asia as well as this Indian maturity is serious security threat for other states like China and Pakistan and small states of South Asia. Furthermore, Indian shows its efficiency after making natural ally of the US but on the other hand many well-known Indians think tanks assert that India could become just a puppet in the hands of the US and take this nexus only in the context of American interests. According to them, the primary interests of the US in Asia are to contain rising China, decrease the influence of China in Asian region, access to Vast Indian Ocean sphere and access to natural resources. They believe that the US-India collaboration in economic, political, strategic, military and defence areas are only in the favour of the US and the basic theme of this collaboration is to just make India able to counter China, secure its interests and nothing else. They said that the India must learn a lesson from the US dual role during the Cold War and never trust on the US with blind eyes. On the contrary, other school of thoughts is in the favour of this potent nexus of two democracies. According to them, India is raising economic power with huge territory, population and resources and the China is the only country in Asia which hit the Indian desires in Asia. Besides this, the dreams of permanent seat in United Nations Security Council (UNSC), leader of Asian NATO, arms advancements, progressive aircrafts and technology are also associated with this nexus. So, apart from all divergence with the US and knows very well about the dual policy of the US, India's first priority is to counter rising China in the rest of Asia and Indian Ocean periphery and secure its Interests. In the case of China, some Chinese perceive that the US-India nexus is not immediate threat for China. And they are busy to gain its goals which are formulated after its independence in 1949. On the other hand, majority of the Chinese believe that the basic theme of this strong

nexus is only to encircle China. The US policies Bush Doctrine, Pivot to Asia and Indo-Pacific aimed to encircle the mighty China and preserve its hegemony and title of King of uni-polar world under the ideologies of exceptionalism, paternalism and hegemonism. By making alliance in the Asian region, the US is repeating the history like the Cold War and defeat the USSR. Being the active player and stakeholder of Asia, the Chinese leadership believes that the rising China has soft power and harmonies world approach. They assert that China is not threat for the world and Asia and wants peace in the world and is playing crucial friendly role in Asian and world affairs. China has very soft power approach towards its neighbours and globe and its OBOR policy is also for the progress of the world. At the end, apart from all other regional powers, the US, China and India, all three countries have very complex triangular relationships and they should follow the approach of friendly and cordially relations rather than being hostile to each others, because the rivalry between them leads to serious war and create instability in the rest of the world and eliminate the world as well as regional peace. So, for the world peace and prosperity and being the vigorous geo-political players of Asia, these three states should eliminate their divert ideas and conceptions and create a valuable relationship among them. They should enhance economic, trade, political relations; people-to-people contact and prevent Asia from being dominated by any single power and make efforts to demolish terrorism and instability from the Asia.

REFERENCES

- [1] Hosli M.O. The United Nations Security Council: History, Current Composition, and Reform Proposals. *The Changing Global Order: Challenges and Prospects*. Springer Nature; 2020: 299–320.
- [2] Waltz K. Neorealism: Confusions and Criticisms. *Journal of Politics and Society*. 2004; 15 (1): 2–6.
- [3] Sieff M. *Shifting Superpowers: The New and Emerging Relationship between that United States, China, and India*. Washington: Cato Institute; 2009.
- [4] Naseer R., Amin M. Balance of Power: A Theoretical Explanation and Its Relevance in Contemporary Era. *Berkeley Journal of Social Sciences*. 2011; 1 (10): 5.
- [5] Sharma S.D. *China and India in the Age of Globalization*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009.
- [6] Little R. *The Balance of Power in International Relations: Metaphors, Myths and Models*. Cambridge: Cambridge University Press; 2007.
- [7] Craig S.L. *Chinese Perceptions of Traditional and Nontraditional Security Threats*. Carlisle: Strategic Studies Inst.; 2007.
- [8] Mearsheimer J.J. The Gathering Storm: China’s Challenge to US Power in Asia. *The Chinese Journal of International Politics*. 2010; 3: 381–396.
- [9] Glosserman B. *A “New Type of Great Power Relations”?* *Hardly*. Pacific Forum CSIS; 2013.
- [10] Pillsbury M. *The Hundred-Year Marathon: China’s Secret Strategy to Replace America as the Global Superpower*. Henry Holt and Company; 2015.
- [11] Gertz B. *The China Threat: How the People’s Republic Targets America*. Washington: Regnery Publishing; 2000.
- [12] Garrett B. US–China Relations in the Era of Globalization and Terror: A Framework for Analysis. *Journal of Contemporary China*. 2006; 15 (48): 389–415.
- [13] Tellis A.J., Mirski S. *Crux of Asia: China, India, and the Emerging Global Order*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace; 2013.

- [14] McCoy T. How Joseph Stalin Invented ‘American Exceptionalism’. *The Atlantic*. 2012; 3 (15). URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2012/03/how-joseph-stalin-invented-american-exceptionalism/254534/>. Accessed: 05.02.2020.
- [15] Walt S.M. The Myth of American Exceptionalism. *Foreign Policy*. 2011. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/the-myth-of-american-exceptionalism/>. Accessed: 06.02.2020.
- [16] Shambaugh D. *Tangled Titans: The United States and China*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers; 2012.
- [17] Zishra K. Indo-US Strategic Relations Set to Strengthen. *Asia Times*. URL: <https://asiatimes.com/2019/03/indo-us-strategic-relations-set-to-strengthen/>. Accessed: 04.02.2020.
- [18] Ghoshal B. *China’s Perception of India’s ‘Look East Policy’ and Its Implications*. Delhi: Institute for Defence Studies & Analyses; 2013.
- [19] Jabeen M., Ahmed I. Indo-US Nuclear Cooperation. *Journal of Contemporary Studies*. 2014; 3 (1): 18.
- [20] Guihong Z. *US-India Security Relations: Implications for China*. Delhi: Faultlines-New Delhi; 2003: 29–48.
- [21] Zhang G. US-India Strategic Cooperation: Implications for China and Pakistan. *International Studies*. 2005; 42 (3–4): 277–293.
- [22] Dent C.M. (Ed.). *China, Japan and Regional Leadership in East Asia*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2010.
- [23] Yin L. Building a New China-US Strategic Stability. *Contemporary International Relations*. 2012; 22 (6): 80–97.
- [24] Akhter S. Indo-US Strategic Partnership: Implications for China. *Regional Studies*. 2009; 27 (1): 3–80.
- [25] Pantucci R. China Must Get Along with Regional Powers to Make Its New Silk Road Plan Work. *South China Morning Post*. 19.08.2017. URL: <https://www.scmp.com/comment/insight-opinion/article/2107122/china-must-get-along-regional-powers-make-its-new-silk-road>. Accessed: 10.02.2020.
- [26] Baiyi W. The Chinese Security Concept and Its Historical Evolution. *Journal of Contemporary China*. 2001; 10 (27): 275–283.
- [27] Asher M.G., Sen R. India-East Asia Integration: A Win-Win for Asia. *Economic and Political Weekly*. 2005; 40 (36): 3932–3940.
- [28] Dadwal S.R. China’s Search for Energy Security: Emerging Dilemmas. *Strategic Analysis*. 2007; 31 (6): 889–914.
- [29] Zhang G. *US-India Strategic Cooperation: Implications for China and Pakistan*. Pakistan–China Relations in Changing Regional and Global Scenario. Karachi: Area study center; 2005.

Научная статья

Внешиполитические связи между США и Индией и их оценка Китаем: проблема напряженности в трехсторонних отношениях в Центральной и Восточной Азии (краткое описание)

Р.Д. Нисар

Классический университет центрального Китая
№ 152, Лююю Роад, Ухань, Хубэй, КНР, 430079

Аннотация. Несмотря на историю прошлых идеологических разногласий, недоверия и расхождения интересов, к началу XXI века отношения между США и Индией пришли от отчуждения к партнерству или, по крайней мере, к масштабной взаимосвязи.

Сегодня Азия находится в центре мировой политики, и несколько региональных и внерегиональных игроков пытаются защитить свои интересы и сохранить свою гегемонию. Помимо Индии, Китая и Японии, США и Россия являются влиятельными игроками на азиатском политическом театре. После распада СССР Индия и Китай заняли позицию сильных региональных держав, играющих свою важную роль в Азии. Быстрый экономический рост Китая, модернизация армии, развитие технологий и выбранный последовательный внешнеполитический курс в регионе и на морских транспортных путях подталкивают руководство США к изменению своей политики безопасности и созданию альянса в контексте баланса сил в Азии, для того, чтобы укрепить свои позиции в регионе и противостоять растущим угрозам. Кроме того, развитие в Индии демократических ценностей, ее растущая мощь в Индийском океане, ядерный потенциал и возможность сдерживания Китая сблизили две демократии. Внешнеполитические векторы «Индия против Китая» в контексте экономической гонки, соперничества в прошлом и пограничных проблем, а также «США против Китая» указывают на то, что США воспринимают Индию как «компенсирующую силу», способную сдерживать Китай на периферии Азии и добиваются формирования соответствующего баланса сил. По мнению китайских политических аналитиков, цель продолжающегося сближения США и Индии заключается в противодействии растущему Китаю. В данной статье автор попытается ответить на следующие вопросы: «Что является решающим фактором для появления нынешней связи между США и Индией, особенно в Восточной и Центральной Азии?», «Каково общее восприятие Китаем этой связи?», а также, «Каковы действия трех держав в Центральной и Восточной Азии по сохранению своих позиций и интересов в соответствующих регионах?».

Ключевые слова: альянс между США и Индией, отношение Китая, США, Индия, Китай, Центральная и Восточная Азия

Информация об авторе:

Rana Danish Nisar – аспирант Школы политики и международных исследований Классического университета центрального Китая (КНР) (ORCID ID: 0000-0002-1354-5144) (e-mail: ranadanishnisar@gmail.com).

Information about the author:

Rana Danish Nisar – PhD Scholar of the School of Politics and International Studies, Central China Normal University (People’s Republic of China) (ORCID ID: 0000-0002-1354-5144) (e-mail: ranadanishnisar@gmail.com).

Для цитирования:

Nisar R.D. US-India Nexus & Chinese Appraisal: Triangular Exertions in Central & East Asia (Brief Description) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 2. С. 141–154. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-2-141-154

For citation:

Nisar R.D. US-India Nexus & Chinese Appraisal: Triangular Exertions in Central & East Asia (Brief Description). *RUDN Journal of Public Administration*. 2020; 7 (2): 141–154. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-2-141-154

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ACADEMIC LIFE

DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-2-155-160

Обзорная статья

Айтрекинг: потенциал для применения в государственном управлении, политическом брендинге и планировании избирательных кампаний

Я.Р. Игнатовский

Аналитический центр «ПолитГен»
Лиговский проспект, 74, Санкт-Петербург, Россия, 191040

В.Г. Иванов

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Аннотация. В статье анализируется потенциал применения современных технологий айтрекинга (видеоокулографии) в сферах аналитического обеспечения политической деятельности и государственного управления. Авторы приходят к выводу о значительных возможностях использования исследований на основе айтрекинга при планировании информационных и избирательных кампаний, для противодействия распространению экстремизма в сети Интернет, партийного брендинга и политического SMM. В статье показывается, что в условиях пандемии коронавирусной инфекции все большая доля информационных, управленческих и регулятивных функций осуществляется онлайн, что дополнительно актуализирует возможности использования айтрекинга для совершенствования дистанционных сервисов и оптимизации удобства их использования для пользователей.

Ключевые слова: айтрекинг, визуализация, SMM, брендинг, электронное голосование, диджитализация, UX-исследования

Айтрекинг, или видеоокулография — это современная технология, которая позволяет фиксировать окуломоторные реакции человека — движения взгляда, его внимание и восприятие визуальной информации. Несмотря на то, что основы современной окулографии были заложены еще в 1960-е гг. советским ученым А.Л. Ярбусом [1], с 2000-х гг. появляются и получают распространение современные айтрекеры, представляющие собой компактный

© Игнатовский Я.Р., Иванов В.Г., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

прибор в форм-факторе небольшой приставки к компьютеру или очков, позволяющий в режиме реального времени фиксировать направление взгляда человека с точностью $\sim 0,5$ градуса, отделяя то, на что действительно фокусируется взгляд, от периферического зрения.

Окулография позволяет с высокой точностью определить, на каких визуальных стимулах (или их элементах), представленных респонденту, задерживается его внимание, что остается незамеченным, а что вызывает эмоциональный отклик, как положительный, так и отрицательный. В качестве визуальных стимулов могут использоваться изображения, надписи и тексты, фотографии, видео, плакаты, интернет-сайты, листовки, демотиваторы, карикатуры и т.д. Тестирование с современными айтрекерами проходит комфортно и практически незаметно для респондента: обычно он просто свободно смотрит с экрана монитора, планшета или мобильного телефона визуальный контент, в то время как камеры айтрекера снимают микропередвижения его зрачков, фиксируемых при помощи встроенной инфракрасной подсветки, и соотносят направление взгляда с конкретной точкой на изображении.

Материалы, полученные аналитиком на выходе исследования с айтрекером, – это видеозапись, визуализации и статистика, позволяющие детально проанализировать внимание и поведение респондента. Наиболее популярные и эффективные визуализации – это «тепловые карты», «видимые зоны» и графики движения взгляда. Для отслеживания эмоциональной реакции аудитории – в первую очередь одобрения или неприятия окулографический анализ может дополняться биометрией – специальный датчик, размещаемый на пальце респондента, отслеживает его пульс и кожно-гальваническую реакцию (проще говоря, потоотделение), что в данном аспекте сближает айтрекер по возможностям с полиграфом.

Важным плюсом исследований на основе окулографии является отсутствие необходимости большой выборки респондентов. Как правило, их число варьируется от 5 до 30 – и этого оказывается достаточно для решения 99% задач. Также можно отметить исключительную наглядность результатов окулографического исследования. Статистика и визуализации позволяют максимально наглядно показать найденные проблемы, оценить отклик аудитории.

Так сложилось, что сегодня айтрекинг применяется (притом все еще достаточно ограничено) преимущественно в маркетинговых и брендинговых исследованиях, юзабилити-тестировании, медицинских и поведенческих экспериментах. Айтрекинг позволяет решать конкретные задачи, связанные с поиском проблем, выявлением особенностей аудитории, ее восприятием любой визуальной информации и сравнением предлагаемых решений и альтернатив. Айтрекинг потенциально дает аналитикам доступ к бессознательному представителей целевой аудитории. Одним из наиболее широко используемых современных приложений для отслеживания движений глаз является обнаружение того, как пользователи взаимодействуют с веб-страницами и Интернетом в целом. Более глубокое понимание этого процесса может помочь компаниям и брендам максимизировать свое влияние на пользователя.

В последние годы значительно увеличилось число научных публикаций (в том числе и междисциплинарных), посвященных прикладному использованию

технологий видеоокулографии. С 2007 года издается специализированный научный журнал – «Journal of Eye Movement Research» [2].

При этом значительный потенциал этой технологии практически не используется в политической сфере: как в политической деятельности и аналитике, так и в политологических исследованиях. Среди примеров актуальных опубликованных политологических исследований с использованием айтрекинга можно выделить [3; 4; 5], также хотелось бы отметить междисциплинарные исследования отечественного ученого А.С. Огнева [6; 7; 8]. В то же время потенциал использования айтрекинга в политических целях крайне велик и многогранен: разработка и сопровождение информационных кампаний, противодействие распространению экстремизма в сети Интернет, партийный брендинг и планирование избирательных кампаний, политический SMM и пр.

Например, для новых партий, находящихся на стадии формирования своей идеологии и политической идентичности, могли бы оказаться весьма полезными дополнительные окулографические исследования. Полагаем, что айтрекинг мог бы найти применение и в аналитическом сопровождении деятельности парламентских партий.

При этом айтрекинг может использоваться не только для оценки и разработки рекламных материалов, политических месседжей, символики, демотиваторов и пр., но и, например, для развития систем электронного голосования, правительственных интернет-порталов, веб-ресурсов политических сил.

Так, например, в последние годы в разных странах был введен ряд требований к удобству использования систем электронного голосования. Было обнаружено, что приложения для электронного голосования не были удобными и эффективными из-за их недостаточной простоты использования. Результаты проведенных исследований показали, что приложения имеют проблемы с отображением не относящейся к делу информации, а также многие пользователи не могли успешно завершить процесс голосования в системе или допускали ошибки в процессе голосования, что оказывало влияние на электоральные результаты и готовность избирателей пользоваться электронным голосованием в дальнейшем. Несомненно, восприятие аудиторией безопасности системы повышается, если включенная информация является более ясной и понятной для пользователя.

В современной эпидемиологической ситуации, обусловленной пандемией коронавирусной инфекции, все большая доля информационных, управленческих и регулятивных функций осуществляется онлайн, причем увеличивается роль национальных платформ и нарастает суверенизация сети Интернет. Диджитализация и развитие дистанционных сервисов выходит на лидирующие позиции во всех сферах – от государственных услуг до ведения хозяйства и работы по дому. В этих условиях также актуализируются возможности использования айтрекинга для совершенствования дистанционных сервисов и оптимизации удобства их использования для новых сегментов аудитории.

Таким образом, потенциал использования айтрекинга в целях информационно-аналитического сопровождения политической и управленческой деятельности представляется весьма значительным, что позволяет получить ощутимые преимущества от его внедрения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Ярбус А.Л. Роль движений глаз в процессе зрения. М.: Наука, 1965. 173 с.
- [2] Journal of Eye Movement Research. URL: <https://vor.unibe.ch/index.php/JEMR>. Дата обращения: 01.02.2020.
- [3] Schmuck D., Tribastone M., Matthes J., Matthes E., Bergel M. Avoiding the Other Side?: An Eye-Tracking Study of Selective Exposure and Selective Avoidance Effects in Response to Political Advertising // Journal of Media Psychology Theories Methods and Applications. December 2019. DOI: 10.1027/1864-1105/a000265
- [4] Geise S., Heck A., Panke D. The Effects of Digital Media Images on Political Participation Online: Results of an Eye-Tracking Experiment Integrating Individual Perceptions of “Photo News Factors”: Media Images and Political Participation // Policy and Internet. February 2020. DOI: 10.1002/poi3.235
- [5] Toreini P., Toreini M., Langner A. Using Eye-tracking for Visual Attention Feedback. Conference: Information Systems and Neuroscience (NeuroIS Retreat) At: Vienna, Austria. June 2019.
- [6] Огнев А.С., Фан Ц., Лихачева Э.В., Николаева Л.П., Худолей М.М., Кагонян Р.С., Пиксайкина С.В., Рицкая Е.В. Перспективы использования современных портативных айтрекеров // Человеческий капитал в формате цифровой экономики Международная научная конференция, посвященная 90-летию С.П. Капицы: сборник докладов. М., 2018. С. 349–358.
- [7] Огнев А.С., Лихачева Э.В. Окулографический анализ психосемантических особенностей компьютерных изображений // Личность в информационно-образовательном пространстве: ответы на вызовы времени: сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции. М.: Российский новый университет, 2018. С. 98–103.
- [8] Огнев А.С., Петровский В.А., Лихачева Э.В. Окулометрические проявления психологических установок респондентов в отношении восприятия визуального контента // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2018. № 2. С. 41–48.

Review article

Eye Tracking: Potential Applications for Public Management, Political Branding and Election Campaigns

Y.R. Ignatovskiy

Analytical Center PolitGeneration
Ligovskiy prosp., 74, Saint-Petersburg, Russian Federation, 191040

V.G. Ivanov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. The article analyzes potential of applying contemporary eye-tracking technologies in the areas of analytical support of political activities and public administration. The authors conclude that eye-tracking research could be applied to planning of information and election campaigns, counter-extremism activities in the Internet, party branding and political SMM. The article shows that in the context of the Covid-19 pandemic, an increasing

share of information, management and regulatory functions are performed online, which further updates the possibilities of using eye-tracking to improve remote public services and optimize their usability.

Keywords: eye tracking, visualization, SMM, branding, electronic voting, digitalization, UX research

REFERENCES

- [1] Yarbus A.L. *Eye Movements and Vision*. New York: Plenum; 1967.
- [2] *Journal of Eye Movement Research*. URL: <https://bop.unibe.ch/index.php/JEMR>. Accessed: 01.02.2020.
- [3] Schmuck D., Tribastone M., Matthes J., Matthes E., Bergel M. Avoiding the Other Side?: An Eye-Tracking Study of Selective Exposure and Selective Avoidance Effects in Response to Political Advertising // *Journal of Media Psychology Theories Methods and Applications*. December 2019. DOI: 10.1027/1864-1105/a000265
- [4] Geise S., Heck A., Panke D. The Effects of Digital Media Images on Political Participation Online: Results of an Eye-Tracking Experiment Integrating Individual Perceptions of “Photo News Factors”: Media Images and Political Participation // *Policy and Internet*. February 2020. DOI: 10.1002/poi3.235
- [5] Toreini P., Toreini M., Langner A. Using Eye-tracking for Visual Attention Feedback. Conference: Information Systems and Neuroscience (NeuroIS Retreat) At: Vienna, Austria. June 2019.
- [6] Ognev A.S., Fan C., Lihacheva Je.V., Nikolaeva L.P., Hudolej M.M., Kagonjan R.S., Piksajkina S.V., Rickaja E.V. Perspektivy ispol'zovaniya sovremennyh portativnyh ajtrekerov. *Chelovecheskij kapital v formate cifrovoj jekonomiki Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija, posvjashhennaja 90-letiju S.P. Kapicy: sbornik dokladov* [Prospects of Use of Modern Portable Eye Trackers. *Human Capital, Digital Economy, international scientific conference, dedicated to 90th anniversary of S.P. Kapitsa: collection of papers*]. Moscow; 2018: 98–103 (In Russ.).
- [7] Ognev A.S., Lihacheva Je.V. Okulograficheskiy analiz psihosemantičeskikh osobennostej komp'juternyx izobrazhenij. *Lichnost' v informacionno-obrazovatel'nom prostranstve: otvety na vyzovy vremeni sbornik dokladov Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii* [Oculographic Analysis of Psychosemantic Features of Computer Images. *Personality in Information and Educational Space: Answers to the Challenges of Time: collection of reports of the all-Russian scientific and practical conference*]. Moscow: Rossijskij novyj universitet; 2018: 98–103 (In Russ.).
- [8] Ognev A.S., Petrovskij V.A., Lihacheva Je.V. Okulometricheskie projavlenija psihologičeskikh ustanovok respondentov v otnošenii vosprijatija visual'nogo kontenta. [Oculometric Manifestations of Psychological Attitudes of Respondents in Relation to the Perception of Visual Content]. *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Serija: Chelovek v sovremennom mire*. 2018; 2: 41–48 (In Russ.).

Информация об авторах:

Игнатовский Ярослав Ринатович – политконсультант, генеральный директор аналитического центра «ПолитГен» (ORCID ID: 0000-0002-2006-4621) (e-mail: hindu-time@mail.ru).

Иванов Владимир Геннадьевич – доктор политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-3650-5460) (e-mail: ivanov_vg@pfur.ru).

Information about the authors:

Yaroslav R. Ignatovskiy – Political Consultant, General Director of the Analytical Center PolitGeneration (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-2006-4621) (e-mail: hindu-time@mail.ru).

Vladimir G. Ivanov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-3650-5460) (e-mail: ivanov_vg@pfur.ru).

Для цитирования:

Игнатовский Я.Р., Иванов В.Г. Айттрекинг: потенциал для применения в государственном управлении, политическом брендинге и планировании избирательных кампаний // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 2. С. 155–160. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-2-155-160

For citation:

Ignatovskiy Y.R., Ivanov V.G. Eye Tracking: Potential Applications for Public Management, Political Branding and Election Campaigns. *RUDN Journal of Public Administration*. 2020; 7 (2): 155–160. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-2-155-160

DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-2-161-169

Научная статья

Развитие исследовательского интереса у студентов бакалавриата при подготовке выпускной квалификационной работы (ВКР) на примере направления Государственное и муниципальное управление

И.Э. Исаева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Аннотация. В статье представлена характеристика исследовательского интереса и возможности его развития на примере студентов вуза квалификации бакалавр, проведен анализ публикаций отечественных и зарубежных авторов по данной теме, определены факторы, способствующие формированию и развитию исследовательского интереса, его необходимости в познавательной деятельности студента и результаты его проявления в образовательном процессе вуза. Статья написана на основе пролонгированных наблюдений за студентами вуза (квалификации бакалавр, направление подготовки государственное и муниципальное управление) и промежуточных результатов данных исследований. В анализе промежуточных результатов участвовали сами студенты. Приведены критерии положительного результата развития исследовательского интереса: желание продолжить учиться в магистратуре, инициатива и трудолюбие в выборе темы и подготовки содержания будущих научных публикаций, участие в научных конференциях и конкурсах. Исследовательский интерес рассматривается с точки зрения продолжения познавательной деятельности студента вуза, является ее качественной характеристикой, которая подтверждает осознанную потребность студента в самостоятельном научном творчестве. В настоящее время, в связи с актуальными задачами подготовки студента квалификации бакалавр, современными требованиями к образовательной деятельности и динамично меняющимися условиями современной жизни, а также требованиями реализации в профессии, творчество становится необходимой составляющей познавательной деятельности и ее конкретных направлений. Статья рассматривает творчество как основной результат развития интереса и возможность дальнейшего профессионального развития. В статье предложены конкретные мероприятия, позволяющие развить исследовательский интерес студента квалификации бакалавр в процессе обучения, выделено значение выпускной квалификационной работы в процессе формирования ключевых компетенций, среди которых присутствует исследовательская деятельность.

Ключевые слова: интерес, творчество, познание, исследование, обучение, исследовательский интерес, бакалавр

© Исаева И.Э., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Одной из задач модернизации образования в высшей школе Российской Федерации является активизация исследовательской деятельности вуза на всех уровнях профессиональной подготовки. Выпускная квалификационная работа уровня высшей профессиональной подготовки квалификаций бакалавр и магистр является документом, подтверждающим приобретение необходимых компетенций [1], ключевых квалификаций, среди которых владение навыками исследовательской деятельности.

В Российской Федерации студенты уровня *высшего* профессионального образования квалификации *бакалавр* по направлению подготовки – «науки об обществе»: *государственное и муниципальное управление*, получают официальную рекомендацию готовиться к представлению и защите выпускной квалификационной работы (ВКР) на официальном уровне начиная с 7 семестра (всего 8 семестров). Официальный уровень означает выбор темы, ее обсуждение и утверждение, выполнение предварительных мероприятий: постановка цели и задач исследования, составление подробного плана, представление концепции работы на обсуждение и утверждение, формирование основных рубрик раздела *введение*. Хотя в рамках обучения по квалификации *бакалавр* определять тему ВКР, выстраивать концепцию работы и план, подбирать список литературы представляется возможным на протяжении предыдущих 3-х лет обучения, при этом не требуется прохождение обязательных контрольных процедур, необходим лишь исследовательский интерес в разработке выбранной темы, ранний выбор темы происходит пока редко. Объяснением этого может служить крайняя занятость студентов и длинный перечень учебных предметов в каждом семестре, что затрудняет предварительный поиск основного направления своей исследовательской деятельности [2. С. 113].

Если начать работу по выбору темы и подготовке концепции выпускной квалификационной работы студента на более ранних этапах обучения, например, со второго курса, сочетая интерес к теме с формированием исследовательских навыков и т.д., то ожидаемый результат в виде письменной работы и научного доклада будет выше, а возможности и желание студента заниматься исследовательской деятельностью в будущемкратно увеличатся. Поэтому целесообразно, на основе изучения понятий «интерес» и «исследовательский интерес», провести анализ последовательности действий студента при подготовке и представлении выпускной квалификационной работы для защиты и обосновать необходимость выбора темы работы и ее разработки на более ранних курсах обучения.

Статья написана на основе последовательных непрерывных наблюдений за студентами уровня *высшего* профессионального образования квалификации *бакалавр* в процессе профессиональной деятельности в высшей школе в обстоятельствах подготовки, представления и защиты курсовых работ и ВКР. В статье использованы методы отбора, описания и систематизации информационных объектов (публикаций), результаты эмпирического исследования, проведенного в Российском университете дружбы народов среди студентов разных курсов (направление подготовки – государственное и

муниципальное управление), анализ опыта практической исследовательской и методической деятельности при подготовке ВКР. Для изучения проблемы и преодоления выявленных противоречий при подготовке статьи использовались следующие общенаучные и специальные научные методы: гипотетико-дедуктивный метод и метод обобщения, метод наблюдения за выделенной категорией студентов в определенные периоды времени, интенциональное объяснение, метод диалога, а также проективный метод, позволяющий использовать иные результаты учебной и научной деятельности студентов для достижения поставленной в статье цели.

Подход к подготовке выпускной квалификационной работы, основанный на развитии исследовательского интереса на начальных этапах обучения, позволяет описать и опробовать на практике соответствующие технологии и, на их основе, организовать учебную деятельность таким образом, чтобы она сочетала творческое начало, исследовательский интерес и высокое качество выпускной квалификационной работы студента [2. С. 115].

Понятие «интерес» включает в себя две составляющие: первичное знание о предполагаемом предмете исследования и положительная эмоция, связанная с первичным знанием [3. С. 30]. Первая составляющая формируется в процессе обучения и приобретения знаний, вторая проявляется в случае реализации потребности студентов в творчестве. Особенность интереса заключается в том, что само знание, радость от его приобретения и удовольствие от использования должны встретиться на площадке учебной дисциплины, или работы над проектом и его обсуждением, или в процессе чтения научной литературы. Возможны сочетания предложенных вариантов. Первичное знание становится доступным в процессе познавательной деятельности студентов, одним из направлений продолжения которой является исследовательская деятельность. Самым важным опытом исследовательской деятельности должна стать ВКР бакалавра. Может ли этот неизбежный опыт по формальным причинам привести к рождению настоящего исследовательского интереса у студентов и развиваться дальше в процессе обучения на следующих уровнях образования? Да, это возможно, если начать работать над ВКР как можно раньше. В рамках образовательной деятельности такая работа осуществляется высшими учебными заведениями в процессе подготовки студентов, но актуальность ВКР как формы, которая одновременно является итогом познавательной деятельности, становится ясной лишь к окончанию обучения.

Структура психики человека на проявленном в сознании уровне демонстрирует постоянную борьбу между желаниями, устремлениями, потребностями и т.д. Такой длинный перечень противостояний в период студенчества – это поле постоянного соперничества, ранжирования, выстраивания иерархии между «мне нравится», «я хочу», «мне интересно» или «мне надо». [4. С. 26]. Студент как субъект учебной и научной деятельности проходит определенный период становления, и на этом пути есть формальные этапы (сессия, зачетные работы, выпускная квалификационная работа) и этапы, определенные объективно-субъективными обстоятельствами. Выпускная

квалификационная работа – это этап с такими сложными характеристиками, поэтому так важно приобретать, развивать и совершенствовать субъектность исследователя [5. С. 49].

Современное обучение должно формироваться посредством творческих интересов отдельной личности – субъекта общественных отношений с учетом внутренних противоречий. Внутренние противоречия подразумевают прежде всего борьбу мотивов и потребностей, что отражается на мотивационной сфере личности [6. С. 104–107] и формировании познавательного интереса. Студенты первых курсов и не только отличаются недостаточным уровнем познавательной самостоятельности и самоэффективности из-за неготовности быть субъектами своей учебной деятельности [5. С. 50]. В процессе написания ВКР принимают участие два субъекта познавательной деятельности – исполнитель и руководитель работы. Первый может достаточно долго это не осознавать [7. С. 63–64] из-за страха перед сложным небывалым до этого событием или просто отсутствия ответственности за взятые на себя обязательства. В результате осуществления обратной связи, основанной на профессиональном мастерстве руководителя [8], проявляется первый субъект деятельности – студент [9], действующий в соответствии со своими ценностями-знаниями [10. С. 97] и приобретающий бесценный творческий опыт. Сущность процесса исследовательской деятельности в научной литературе рассматривается, прежде всего, с точки зрения критико-рефлексивного подхода. Эта точка зрения подтверждается в работе [11. С. 7] о метакогнитивных навыках, необходимых студенту университета, важности доказательства как элемента модели деятельности [12. С. 206–208]. В зарубежных научных публикациях уделяют внимание студенту-субъекту исследовательской деятельности, необходимости формирования исследовательской позиции как отражения процесса изучения темы [12. С. 206–208], вопросам самоэффективности и саморегуляции в процессе исследовательской деятельности [13. С. 274]. Любопытно внимание авторов к возможностям публикаций студентов и роли личного примера преподавателя [13. С. 275], к использованию студентами неограниченных в современном мире возможностей библиотек и миниисточников информации [14. С. 68–70], к пользе исследовательской практики при разработке учебных проектов по заданным темам, к важности грамотного, продуманного руководства работами студентов [15. С. 154] и, наконец, необходимости образования, раскрывающего способности к творчеству. В работах отечественных авторов практическая составляющая исследовательского интереса представлена в анализе возможностей применения смысловых схем и системы опорных сигналов в процессе осуществления обратной связи студента бакалавриата и преподавателя-руководителя [16. С. 90–93], применения игровых технологий (геймификация) [17. С. 128–130] для приобретения навыков формализации и построения моделей сложных систем, что является одним из требований к качеству ВКР [18. С. 219].

Важно отметить в связи с вышеизложенным, что интерес включает в себя эмоциональную составляющую, которая в анализе литературы проявляется, прежде всего, в практических направлениях деятельности студента-

бакалавра, таких как самостоятельная работа над курсовой/проектом, с последующим представлением, а возможно, их реализацией, присутствие личного примера и авторитета преподавателя-руководителя, в осуществлении публикаций студенческих работ в университетских сборниках. Интерес состоит из следующих категорий – познание, деятельность, личность, мотив, потребность, побуждение, склонность, направленность. Комплексное понятие «интерес» включает в себя знание, опыт и положительные эмоции, связанные с процессом применения знаний или полученными результатами, такими как: развитие, новые возможности собственной реализации, необходимый уровень восприятия себя и мира или документ, все это подтверждающий, например, диплом [4]. Таким образом, интерес помогает продвигаться по карьерной лестнице, присутствовать в статусно-ролевой системе организации, что важно для государственного и муниципального служащего [19. С. 70–72]. В вузе студент, используя интерес и ориентиры, предложенные преподавателем-руководителем, выбирает направление выстраивания конкретных целей и задач в соответствии с выбранной темой исследования. Студент в процессе обучения накапливает перечень характеристик, среди которых к интересу относятся: направленность интересов, их многообразие и содержание. ВКР требует выбора среди множества интересов и, возможно, формирование единственного на данный период времени. С точки зрения исследовательской деятельности это характеристики, связанные с устойчивостью познавательных процессов, их скоростью и переключаемостью в соответствии с вновь формируемыми задачами. Перечисленные характеристики носят объективный характер [10. С. 215].

Исследовательский интерес студента-бакалавра имеет научно-практическое содержание, позволяет наращивать объем знаний и применять их в процессе исследовательской деятельности. Развитию интереса способствуют технологии, применяемые в современном высшем образовании, такие как геймификация, разбор конкретных ситуаций, выделение модельных элементов соответственно изучаемому объекту или процессу, формирование самой модели, возможно, опытной, но действующей, проверенной в процессе учебной практики. На формирование исследовательского интереса большое влияние оказывает компетентность преподавателя-руководителя, его научная и профессиональная увлеченность.

Исследовательская деятельность студента-бакалавра без интереса возможна, но она не приводит к качественным результатам, подтверждающим присутствие творческого начала в этом виде деятельности, косвенным, но значимым сигналом этого является нежелание продолжать это направление исследований в дальнейшем. Несовпадение интереса и выбранной темы иногда проявляется на продвинутом этапе разработки темы ВКР, когда пройден длительный путь накопления научного материала и его анализа, это происходит довольно часто потому, что выбор темы произошел без совпадения реальных потребностей в данной сфере деятельности и сделанного выбора. Это противоречие можно преодолеть, для этого надо проявлять интерес студента к теме ВКР как можно раньше, начиная с первого курса бакалавриата. Эта

работа не только студента-бакалавра, но и преподавателя-руководителя, для начала над рефератом, потом над курсовой работой по данной тематике с возможной публикацией в студенческих или иных сборниках научных статей, приобретением опыта публичных выступлений и участие в дискуссиях, в чем примером может стать преподаватель-руководитель.

Исследовательская деятельность студента без интереса возможна, но она не приводит к качественным результатам. Качественный результат имеет точное измерение в виде перечня фактов: желание продолжить учиться в магистратуре, инициатива и трудолюбие в выборе темы и подготовки содержания будущих научных публикаций, участие в научных конференциях и конкурсах. В фактах этого списка среди мотивов и побуждений есть честолюбие, возможно, тщеславие, но успех возможен только при наличии творческого начала деятельности, а сигналом его присутствия является желание продолжить обучение в высшем образовательном заведении. Присутствие интереса в исследовательской деятельности студента способствует преобразованию мира и самого себя, проявляет активное отношение человека к миру, востребованности деятельности как естественного сознательного процесса, ведущего к поставленной цели, самоутверждению и подтверждению самоэффективности в соответствующей сфере деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Кротова Е.А., Вилкова А.Д., Кожевникова А.В.* Организация научно-исследовательской деятельности студентов в условиях компетентностно-ориентированной модели образования // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 6. С. 357–357.
- [2] *Васильев И.А.* Качественное образование – детерминанта прироста интеллектуального потенциала страны // *Образование и наука*. 2013. №. 9. С. 103–122.
- [3] *Исаева И.Э.* Особенности интереса в познавательной деятельности студентов вуза // *Вопросы образования и науки: теоретический и методический аспекты*. 2015. Т. 10. С. 27–31.
- [4] *Андреев П.А., Исаева И.Э.* Развитие студентов в процессе обучения в вузе // *Сборник статей XIV международной научно-практической конференции «Современные финансово-экономические инструменты развития экономики регионов»*. М.: Аэтерна, 2016. С. 26–28.
- [5] *Иванова М.А.* Болонский процесс и самостоятельность студентов: российская специфика // *Высшее образование в России*. 2018. №. 3. С. 48–58.
- [6] *Лешер О.В., Липатникова Ю.В.* Влияние мотивационных тенденций студентов вуза на познавательный интерес // *Актуальные проблемы современной науки, техники и образования*. 2015. Т. 3. №. 1. С. 104–107.
- [7] *Кротова И.В.* Психологические детерминанты достижения первой ступени академической карьеры в системе высшего образования // *Образование и саморазвитие*. 2017. Т. 12. № 2. С. 62–72.
- [8] *Буркова С.П., Долотова Р.Г., Винокурова Г.Ф.* Современные образовательные технологии // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. №. 2. С. 272–272.
- [9] *Курьян М.Л.* Проблема диалога между участниками образовательного процесса в ситуации предоставления преподавателем обратной связи // *Вестник Мининского университета*. 2017. № 3. DOI: <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2017-3-12>

- [10] *Калашиникова А.В., Чижакова Г.И.* Модель формирования ценностных мотивов познавательной деятельности будущих бакалавров профессионального обучения // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 1. С. 230–230.
- [11] *Bourke B.* Positionality: Reflecting on the Research Process // *Qualitative Report*. 2014. Vol. 19. № 33. P. 1–9.
- [12] *Asher R.J.* A Conversation with Randy Asher, Principal of New York City’s Brooklyn Technical High School // *Gifted Child Today*. 2016. Vol. 39. № 4. P. 205–208.
- [13] *Schofield C., Burton F.L.* An Investigation into Higher Education Student and Lecturer Views on Research Publication and Their Interest in the Production of a College Partnership Science Journal // *Innovations in Education and Teaching International*. 2015. Vol. 52. № 3. P. 265–276.
- [14] *Criollo M., Romero M., Fontaines-Ruiz T.* University Students’ Self-efficacy for Learning How to Conduct Research // *Psicologia Educativa*. 2017. Vol. 23. № 1. P. 63–72.
- [15] *Tanaka K.* Learning How to Learn Through Experiential Learning Promoting Metacognitive Skills to Improve Knowledge Co-creation Ability // *Procedia Computer Science*. 2016. Vol. 99. P. 146–156.
- [16] *Мишурина О.А.* Повышение качества подготовки студентов бакалавриата в условиях реализации федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования // *Международный журнал экспериментального образования*. 2016. № 1. С. 90–93.
- [17] *Щенетова С.Е., Сатдыков А.И.* Применение игровых технологий в преподавании «системных» дисциплин // *Высшее образование в России*. 2018. № 4. С. 127–134.
- [18] *Турабаева Л.К., Мадалиева А.Б., Тлеубаева С.Л.* Обучение посредством формирования творческих интересов // *Международный журнал экспериментального образования*. 2016. № 6-2. С. 219–222.
- [19] *Исаева И.Э., Абросимов А.Г.* Интерес – инструмент обучения или элемент психологического мира человека? // *Методология современной образовательной деятельности*. Нижний Новгород: НИЦ «Открытое знание», 2018. С. 59–72.

Research article

Development of Research Interest Among Undergraduate Students During the Preparation of Final Qualifying Work (VKR) on the Example of State and Municipal Administration Educational Program

I.E. Isaeva

Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. The article presents the characteristics of research interest and its development on the example of University students bachelor’s degree qualification, the analysis of publications of domestic and foreign authors on the subject, the factors contributing to the formation and development of research interest, its importance in the cognitive activity of the student and the results of its manifestation in the educational process of the University. The article is written on the basis of prolonged observations of students and interim results of these studies. In the analysis of the intermediate results involved the students themselves. The criteria of positive result of the development of research interest: the desire to continue learning in the magistracy, initiative and diligence in selecting topics and preparing the content of future

scientific publications, participation in scientific conferences and competitions. Research interest is considered from the point of view of the continuing educational activities of the University student, its qualitative characteristics, which confirms the perceived need of the student in independent scientific work. Currently, due to the current tasks of the students' bachelor's degree qualification with modern requirements to educational activities and rapidly changing conditions of modern life and the demands of implementation in the profession, creativity becomes a necessary component of cognitive activity and its specific directions. The article considers creativity as the main outcome of interest and the possibility of further professional development. The paper proposed specific measures in order to develop the research interest of the student's bachelor's degree qualification in the learning process highlighted the importance of qualifying work in the process of formation of key qualifications, including research activities.

Keywords: interest, creativity, knowledge, study, learning, research, bachelor

REFERENCES

- [1] Krotova E.A., Vilkova A.D., Kozhevnikova A.V. Organizatsiya nauchno-issledovatel'skoi deyatelnosti studentov v usloviyakh kompetentnostno-orientirovannoi modeli obrazovaniya [The Development of Ecological Competence of Students by Means of Research Project Activities]. *Modern Problems of Science and Education*. 2015; 6: 357 (In Russ.).
- [2] Vasil'ev I.A. Kachestvennoe obrazovanie – determinanta prirosta intellektual'nogo potentsiala strany [Quality Education – Determinant of Growth of Intellectual Capacity of the Country]. *The Education and Science Journal*. 2013; 9: 103–120 (In Russ.).
- [3] Isaeva I.E. Osobennosti interesa v poznavatel'noi deyatelnosti studentov vuza [Features of Interest in the Cognitive Activity of University Students]. *Voprosy obrazovaniya i nauki: teoreticheskii i metodicheskii aspekty*. 2015; 10: 27–31 (In Russ.).
- [4] Andreev P.A., Isaeva I.E. Razvitie studentov v protsesse obucheniya v vuze [The Development of Students in the Learning Process at the University]. *Finansovo-ekonomicheskie instrumenty razvitiya ekonomiki regionov: conference proceedings*. Moscow: Aeterna; 2016: 26–28 (In Russ.).
- [5] Ivanova M.A. Bolonskii protsess i samostoyatel'nost' studentov: rossiiskaya spetsifika [The Bologna Process and Learner Autonomy: Russian Specifics]. *Higher Education in Russia*. 2018; 3: 48–58 (In Russ.).
- [6] Leshner O.V., Lipatnikova Yu.V. Vliyanie motivatsionnykh tendentsii studentov vuza na poznavatel'nyi interes [Influence of Motivational Trends of University Students on a Cognitive Interest]. *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki, tekhniki i obrazovaniya*. 2015; 3 (1): 104–107 (In Russ.).
- [7] Krotova I.V. Psikhologicheskie determinanty dostizheniya pervoi stupeni akademicheskoi kar'ery v sisteme vysshego obrazovaniya [Psychological Determinants of Achievement of the First Stage of Academic Careers in Higher Education]. *Education and Self Development*. 2017; 12 (2): 62–72 (In Russ.).
- [8] Burkova S.P., Dolotova R.G., Vinokurova G.F. Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii [Modern Educational Technologies]. *Modern Problems of Science and Education*. 2013; 2: 272–272 (In Russ.).
- [9] Kur'yan M.L. Problema dialoga mezhdru uchastnikami obrazovatel'nogo protsessa v situatsii predostavleniya prepodavatelem obratnoi svyazi [Establishing Dialogic Relationships in the Education Process Through Teacher's Feedback to Learners]. *Vestnik of Minin University*. 2017; 3. DOI: <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2017-3-12> (In Russ.).
- [10] Kalashnikova A.V., Chizhakova G.I. Model' formirovaniya tsennostnykh motivov poznavatel'noi deyatelnosti budushchikh bakalavrov professional'nogo obucheniya [Model of Formation of Valuable Motives of Informative Activity of Future Bachelors]

- of Vocational Training]. *Modern Problems of Science and Education*. 2013; 1: 230–230 (In Russ.).
- [11] Bourke B. Positionality: Reflecting on the Research Process. *Qualitative Report*. 2014; 19 (33): 1–9.
- [12] Asher R.J. A Conversation with Randy Asher, Principal of New York City’s Brooklyn Technical High School. *Gifted Child Today*. 2016; 39 (4): 205–208.
- [13] Schofield C., Burton F.L. An Investigation into Higher Education Student and Lecturer Views on Research Publication and Their Interest in the Production of a College Partnership Science Journal. *Innovations in Education and Teaching International*. 2015; 52 (3): 265–276.
- [14] Criollo M., Romero M., Fontaines-Ruiz T. University Students’ Self-efficacy for Learning How to Conduct Research. *Psicologia Educativa*. 2017; 23 (1): 63–72.
- [15] Tanaka K. Learning How to Learn Through Experiential Learning Promoting Metacognitive Skills to Improve Knowledge Co-creation Ability. *Procedia Computer Science*. 2016; 99: 146–156.
- [16] Mishurina O.A. Povyshenie kachestva podgotovki studentov bakalavriata v usloviyakh realizatsii federal’nykh gosudarstvennykh obrazovatel’nykh standartov vysshego obrazovaniya [Improvement of Quality of Training of Students of the Bachelor or Degree in the Conditions of Implementation of Federal State Educational Standards of the Higher Education]. *International Journal of Experimental Education*. 2016; 1-0: 90–93 (In Russ.).
- [17] Shchepetova S.E., Satdykov A.I. Primenenie igrovyykh tekhnologii v prepodavanii "sistemnykh" distsiplin [Application of Game-based Simulation in “System Analysis” Courses]. *Higher Education in Russia*. 2018; 4: 127–134 (In Russ.).
- [18] Turabaeva L.K., Madaliev A.B., Tleubaeva S.L. Obuchenie posredstvom formirovaniya tvorcheskikh interesov [Educating by Means of Forming of Creative Interests]. *International Journal of Experimental Education*. 2016; 6-2: 219–222 (In Russ.).
- [19] Isaeva I.E., Abrosimov A.G. Interes – instrument obucheniya ili element psikhologicheskogo mira cheloveka? [Is Interest a Learning Tool or an Element of the Psychological World of a Person?]. *Metodologiya sovremennoi obrazovatel’noi deyatel’nosti*. Nizhniy Novgorod: NIC “Otkrytoe znanie”; 2018: 59–72 (In Russ.).

Информация об авторе:

Исаева Ирина Эрнстовна – старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-0753-908X) (e-mail: Isayeva.irina@gmail.com).

Information about the author:

Irina E. Isaeva – Senior Lecturer of the Department of State and Municipal Management, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-0753-908X) (e-mail: Isayeva.irina@gmail.com).

Для цитирования:

Исаева И.Э. Развитие исследовательского интереса у студентов бакалавриата при подготовке выпускной квалификационной работы (ВКР) на примере направления Государственное и муниципальное управление // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 2. С. 161–169. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-2-161-169

For citation:

Isaeva I.E. Development of Research Interest Among Undergraduate Students During the Preparation of Final Qualifying Work (VKR) on the Example of State and Municipal Administration Educational Program. *RUDN Journal of Public Administration*. 2020; 7 (2): 161–169. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-2-161-169

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
